

Александр НЕМИРОВСКИЙ

ПУРПУР И ЯД

Александр Иосифович Немировский
Пурпур и яд
Серия «Серия исторических романов»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131917
Пурпур и яд: Детская литература; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7517-1*

Аннотация

Митридат VI – царь понтийский, потомок Александра Македонского по линии матери и царя Кира по линии отца, выдающийся политик, за пятнадцать лет объединивший все народы, племена и города от Боспора Киммерийского до Боспора Фракийского, сумевший противостоять могущественной римской державе, овладеть всей Малой Азией и проникнуть в Грецию.

Роман русского писателя-историка Александра Немировского рассказывает о трагической судьбе человека, дошедшего до последних рубежей власти.

Содержание

Об авторе	6
Избранные произведения А. И. Немировского:	9
Часть первая	10
Посол Рима	10
Синопа	14
Подземные боги	21
Автоликии	24
В овраге	30
«Эфесский сенат»	34
В горах Париадра	38
В храме Кибелы	48
Встреча с Понтом	51
Штиль	57
В Лаодикее	62
Диоскурия	65
У Боспора Киммерийского	70
Первое знакомство	74
Деньги вперед	82
Побратимы	85
За городом	91
Хитрость	96
Восковая кукла	101
Над пропастью	103

Пламя и тени	106
Часть вторая	109
Царская башня	109
Лаодика Вторая	112
Нашествие	115
День рождения	119
Херсонес	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Александр Немировский

Пурпур и яд

© Немировский А. И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

*** * ***

Об авторе

Известный отечественный историк-антиковед, писатель, поэт и переводчик Александр Иосифович Немировский родился в городе Тирасполе в семье участника Первой мировой войны. В 1925 году семья Немировских нелегально переехала из оккупированного Румынией Приднестровья в Москву. Интерес к истории юному Саше Немировскому привил его школьный учитель – будущий академик М. Н. Тихомиров. Вожатые – будущие писатели Д. Данин и Л. Фейгельман – завоорожили мальчика своей озаренностью поэзией, пробудили в нем желание писать стихи.

В 1937 году А. Немировский поступил на исторический факультет МГУ, одновременно учился в Литературном институте, в поэтическом семинаре И. Сельвинского, вместе с М. Кульчицким, П. Коганом, С. Наровчатовым. Большую роль в становлении А. Немировского как поэта сыграло Литобъединение при студенческом клубе МГУ, которое он посещал вместе с Н. Майоровым, Б. Слуцким, Д. Самойловым. Первая публикация А. Немировского появилась в 1938 году в газете «Московский университет». В 1941 году он заявил себя как литературный критик публикациями восьми рецензий в «Литературной газете».

Война прервала учебу в МГУ. После окончания Томского военного училища А. Немировский сражался на Вол-

ховском, Ленинградском и Первом Украинском фронтах, был ранен в силезском городе Нейсе, награжден орденом Красной Звезды.

Вернувшись к мирной жизни, А. Немировский защитил кандидатскую и докторскую диссертации на темы по истории и культуре Древнего Рима. Во время работы в Пензенском педагогическом институте опубликовал в 1955 году свою первую историческую повесть «Тиберий Гракх».

С 1957 по 1978 год А. Немировский преподавал в Воронежском госуниверситете, где в 1966 году создал и возглавил кафедру истории Древнего мира и древних языков. Научно-исследовательской работе ученого нерасторжимо сопутствовало создание художественно-исторических произведений разных жанров: рассказов, повестей, романов. Стилистической особенностью их был яркий образный язык. Они создавались на материале тех же источников, что и научные монографии и статьи. Многие юные читатели под влиянием книг А. Немировского выбирали себе профессию историка.

С 1978-го и до конца жизни в 2007 году А. Немировский жил в Москве, продолжая заниматься научной и литературной деятельностью. За этот период им было опубликовано около трехсот работ. Среди них серия книг о мифах Древнего Востока, Древней Индии, Древней Греции, Древнего Рима, восемь сборников стихов, а также его последний роман «Пифагор» об ученом, проникшем в тайны природы.

Книги А. И. Немировского переводились на английский, болгарский, литовский, молдавский, немецкий, польский, сербский и украинский языки.

Л. П. Немировская

Избранные произведения А. И. Немировского:

«За столбами Мелькарта» (1959)

«Тиберий Гракх» (1963)

«Слоны Ганнибала» (1963)

«Белая лань» (1964)

«Белые, голубые и собака Никс» (1966)

«Этрусское зеркало» (1969)

«Пурпур и яд» (1973)

«В круге земель» (1995)

«Пифагор» (1998)

Часть первая

Пламя и тени

Посол Рима

Обитые гвоздями калиги колотили по мозаичному полу, развязно шлепая по спинам нереид и пятная воздушные хитоны амазонок.

Пришелец вышагивал так, словно находился у себя в Риме, на Марсовом поле. Гремели фалеры на выпяченной груди. Светлые, навывкате глаза задраны вверх. Что ему дворец Синопы? Что для него эти изнеженные, пахнущие благовоениями азиаты? Кому нужны их такие же, как они, никчемные боги и богини? За ним на всем необозримом пространстве от Боспора до Геракловых столпов стоят еще никем не побежденные легионы.

В двух шагах от трона посол остановился и поднял почти квадратный подбородок. В этой позе сквозило оскорбительное равнодушие, с каким владыки мира обращались со своими коронованными союзниками.

– Сенат и римский народ, – отчеканил посол, – желают здравствовать сиятельной Лаодике, а также сыну ее Митридату Евпатору! Да хранят к вам боги свое благоволение

на вечные времена!

Он сделал паузу, чтобы перейти от приветствия, обычного в дипломатическом этикете, к сути дела.

– Нам поручено передать, что в твоих владениях скрывается опасный преступник по имени Моаферн. Вот его приметы. – Римлянин неторопливо развернул свиток и поднял его к лицу. – Роста выше среднего. Волосы с проседью. Брови сросшиеся. Нос прямой. Глаза синие. Шрам на левой щеке.

Царица уронила голову на резную спинку трона. «То же имя. Сходятся и приметы, но шрама на лице не было». Смертельная бледность разлилась по ее лицу. В зале засуетились царские друзья и слуги. Над головой Лаодики затрепетали, как пестрые птицы, опахала.

Римлянин читал, закрытый свитком, как щитом. Слова его падали с размеренностью капель в водяных часах.

– Скрывшись из тюрьмы Эфеса, Моаферн прибыл в Гераклею. Оттуда рыбаки переправили его в Синопу. Преступник подлежит выдаче согласно нашему договору о вечном союзе и дружбе.

Закончив чтение, римлянин свернул свиток и на негнущихся ногах важно зашагал к выходу.

Едва стих стук его калиг, как из-за ближайшей колонны к тропу скользнула фигура в длинном жреческом одеянии с белой повязкой, закрывающей нижнюю часть лица. В движениях человека было что-то от летучей мыши.

– Ариарат! Ариарат! – можно было уловить в испуганном

шепоте, в шелесте одежд, в шарканье подошв.

Слуги и придворные торопливо покидали зал. Жрец отодвинул с лица на шею свою повязку, поправил запрокинутую голову Лаодики и дотронулся до ее руки. При этом вся его фигура изогнулась и застыла в неестественно напряженной позе.

– Роста выше среднего. Глаза синие... – в беспамятстве шептала царица. – Разве это можно забыть? Полнеба охватила комета. Наступили холода. Умер Аттал. Восстал Аристоник. Родился Митридат... Те же волосы и взгляд, сын Моаферна...

Лаодика очнулась. В глазах появился свет, и она стала различать предметы. И первое, что она увидела, это были вытянутые в напряженной улыбке губы Ариарата.

– Меня напугал посол. – Лаодика вытерла выступивший на лбу пот. – Словно обрушилась какая-то тяжесть. К горлу подступила дурнота, и веки сомкнулись. Кто этот римлянин?

– Маний Аквиллий Младший, – отчеканил жрец.

Лицо царицы приобрело белизну мраморной колонны.

– Неужели у римлян одни Аквиллии? – почти простонала она.

– У римлян много доблестных родов! – отозвался Ариарат. – Но в Азии, слава бессмертным богам, свили гнездо Аквиллии, римские орлы. У них могучие крылья, острое зрение. Им известно все!

Лаодика испуганно вскинула брови. Она не узнавала Ари-

арата. Когда-то он понимал ее лучше других. И хотя она никогда не раскрывала ему своей тайны, он помог ей избавиться от страха. Его взгляд приносил успокоение. Но теперь в нем появилось что-то новое, незнакомое, пугающее.

– Владычица Кибела поселилась на равнине, – прошеле-стел испуганный шепот жреца. – Там ее чертог. Ей служат львы, а не дельфины. Она возлюбила пастырей, а не мореходов, не эллинов, а персов и каппадокийцев. Море приносит дурные вести. Горы преграждают им путь. Брось этот город, царица! Верни своему царству благоволение Кибелы!

Жрец обернулся и с отвращением взглянул в пространство между колоннами, заполненное морской синевой. Волны назойливо шумели, словно отвергая его доводы и пытаясь доказывать что-то свое.

Синопа

Далеко уходящий в море мыс, если взглянуть на него с прибрежных холмов, напоминал лопасть кормового весла. Эллины рассказывали, будто оно было брошено гигантами во время их бегства от богов.

В том месте, где лопасть весла скруглялась, плавно переходя в рукоять, раскинулась венчанная морем Синопа. Голубые бухты оттеняли пурпур черепичных кровель и матовую белизну крепостных стен, отделявших город от берега и широкой части мыса. Как пышные персидские тиары, вздымались башни царского дворца. Сверкали колонны бесчисленных храмов. Зеленели сады и оливковые рощи, уходящие к долине Фермодонта. Темные линии виноградных лоз были натянуты на сиреневые холмы, как струны кифары. На всем южном побережье Понта Эвксинского не было лучше этого места, устроенного природой и украшенного изобретательностью людей.

Отдаленное прошлое Синопы овеяно легендами о добытках железа – халибах, изрывших окрестные горы в поисках железа и проводивших всю жизнь в подземных штольнях и кузницах. Рассказывают, что и поныне корабли, плывущие вдоль ночного берега, подчас освещаются багровым пламенем горнов. К востоку от Синопы помещали владения самых отважных наездниц – амазонок. От них, изгнавших из сво-

его племени недостойных мужчин, будто произошли древнейшие обитатели побережья – сиры. Что же касается города, то его историю эллины вели с похода аргонавтов, остановившихся во владениях сиров по пути в Колхиду. Синопские судовладельцы, торговцы рабами и лесом, повторяли эту басню, ибо считали себя прямыми потомками отважных искателей золотого руна. Ведь и их богатства притекали с Кавказа, населенного бесчисленными племенами.

Южная гавань была украшена бронзовой статуей Автолика, спутника Геракла. Синопейцы уверяли, что она отлита из меди отслуживших свой век корабельных колоколов и сама по себе гудит, предупреждая о надвигающихся бурях. Эта басня, дополненная рассказом о мореходе, который не поверил Автолику и, конечно, был поглощен свирепым Понтом, оказывала на заезжих купцов неизменное действие: в щель полой статуи сыпались монеты – бронзовые, серебряные и даже золотые.

Оказавшись вне опасности, жертвователи проявляли свойственную человеческой природе неблагодарность и распространяли о синопейцах и их покровителе всяческие небылицы. Каждого синопейца, будь то на море или на суше, вместо обычного приветствия встречали словами: «Ну как, гудит?»

Так за синопейцами установилась слава людей, изобретательных во всем, что касается наживы. И они ею не тяготились, напротив, делая все, чтобы ее преумножить. Они на-

учились извлекать выгоды даже из собственных несчастий!

Когда Синопа была вероломно захвачена каппадокийским правителем Фарнаком, весь греческий мир содрогнулся от негодования. Как только не оплакивали горькую судьбину синопейцев! Но не успели просохнуть слезы сочувствия, как по соседству со статуей Автолика выросла мраморная фигура Фарнака. Этот варвар оказался истинным благодетелем Синопы. Давая своим сыновьям персидские имена, поклоняясь Ахурамазде и Митре, покровительствовал эллинам и эллинской культуре. Он украсил город великолепным гимнасием и пригласил в Синопу выдающихся ученых. Цари, сменившие Фарнака, считали его основателем Понтийского царства и клялись его гением.

Сын Фарнака, Митридат Эвергет, покинул царскую резиденцию Амасию и сделал своей столицей Синопу. При нем была сооружена агора, красотой которой так гордились синопейцы, укреплены стены, насыпан искусственный мол, защищающий гавани от бури. Никто больше его не заботился о процветании торговли Синопы. В обеих гаванях столицы можно было видеть корабли из всех городов Внутреннего моря. Они уходили, нагруженные рабами, понтийской древесиной, железными болванками, кожаными мешками с красной охрой, известной также под именем «синопиды». Сами синопейцы проникали в долины Кавказа и Таврики, к берегам Каспия, в сарматские степи. Всюду знали и ценили статыры и драхмы, на лицевой стороне которых красовались про-

фили понтийских царей, а на оборотной – орел, терзающий когтями дельфина. Этими монетами синопейцы расплачивались за скифское зерно, родосское вино, иберийское чеканное серебро, одеяния Пергама, затканное золотом.

Херсонеситы на Таврике, с которыми Синопа вела бойкую торговлю, называли синопейцев «рабами царей». Но им, гордившимся своей демократией, можно было напомнить, что они не раз обращались за помощью к царям Понта или правителям Боспора. И лучше подчиняться царям, чем испытывать вечный страх перед нашествием варваров и буйством собственных рабов.

Так думали все синопейцы, владевшие виноградниками, оливковыми рощами, медеплавильнями, соляными варницами, – все, кому принадлежали мастерские и рудники, доки и корабли. Посвятительные надписи в честь варварских царей не были обычной лестью подданных. Это была благодарность за богатства, сыпавшиеся на город, как из рога изобилия.

За Золотым веком следует Серебряный, а Серебряный сменяется Медным. Об этом в старину пел Гесиод, соперничавший известностью с Гомером. Синопейцы почувствовали перемены, когда на статерах профиль Эвергета сменился профилем его супруги Лаодики.

Эллины не выносили женской власти. Одно дело быть подданным варварского царя, другое – подчиняться царице. На блюдах в назидание домоправителям и домочадцам писа-

лось: «Не слушай женщины!» Не случайно Троянская война разгорелась из-за Елены, а Пелопонесская из-за Аспасии!

Но в конце концов, можно было бы примириться и с царицей, если бы не ее покровители и союзники – римляне. Уже Эвергет отправлял им на помощь корабли и помогал им в их затеях своими войсками. Но во всяком случае, он не позволял себе садиться на голову! Теперь же при Лаодике римские корабли освобождены от пошлин, римские откупщики владеют серебряными рудниками Понта. Их рабы источили горы, как кроты. В сам трон вцепился прихвостень римлян Ариарат, соединивший в своих руках несовместимые должности: он и верховный жрец богини Кибелы, и начальник следствия. Темницы Синопы, Трапезунда, Амиса забиты людьми, подозреваемыми в отравлении Митридата Эвергета или в попытках отравления Лаодики. А сам «мастер ядов» – так называли могущественного жреца – не только оставался на свободе, но и судил невиновных.

Недовольство, давно нараставшее в народе, нашло в тот день выход. Стало известно, что прибывший в город римский посол нагло потребовал выдачи Моаферна. Это неслыханно! Ведь Моаферн не какой-нибудь беглый раб, а человек, в жилах которого текла царская кровь! И Ариарат вместо того, чтобы встать на защиту брата Эвергета, разослал по дорогам стражников. Глашатаи объявляют награду за его голову!

Люди, собравшиеся в Северной гавани, менее всего на-

поминали предприимчивых торговцев или праздных зевак. По хламидам в желтых подтеках можно было узнать горшечников. У плотников волосы были в стружках, а руки в смоле. Писцов выдавали бледные лица и худоба. Всех их привлекла бирема «Беллона», доставившая в Синопу римского легата.

Каждый, кто знал синопейцев, быстро бы сообразил, в чем дело, и не стал бы дожидаться попутного ветра. Но посольство в Синопу было первым самостоятельным поручением Мания Аквилія Младшего. Привыкший к раболепию эллинов Азии, он не обратил внимания на толпу.

Синопейцы не обнаруживали ни почтения, ни страха. Началось с оскорбительных выкриков, кончилось градом камней и черепицы.

Кормчему удалось отцепить сходни и отрезать якоря. «Беллона» отделилась от берега, сопровождаемая негодующим ревом толпы: «Вон! Вон!»

Маний Аквилій чувствовал себя, как Одиссей между Сциллой и Харибдой! Позади – разъяренная чернь. Впереди – встреча с отцом, не прощающим ошибок. Да и как он сможет оправдаться? Не надо было оглашать приметы Моаферна вслух. Достаточно их просто передать Ариарату. Такова инструкция! Но ему захотелось показать этим персам и грекулам, чего они стоят! Отец, конечно, напомним, что сейчас не время для ссоры с союзниками. Он назовет его «луканской тыквой» и придумает десятки других, еще более оскорбительных ругательств.

«И кажется, он будет прав! – думал Маний Аквиллий. – Вместо Моаферна я привезу в Эфес груды камней и черепицы, которыми забросали корабль! Моаферн уже начал действовать. Камни – это только начало!»

Подземные боги

Извилистые и запутанные коридоры тянулись на много стадиев, составляя вторую, подземную Синопу. Это были катакомбы, образованные многовековой выработкой камня, царство мрака и летучих мышей. Ходили слухи, что под землей существует такой же великолепный дворец, как снаружи, и там правит царь с совиными глазами. От его взгляда не ускользает ни один обман, ни одно злодеяние. Он уводит неправедных в свои темницы, и, если приложить ухо к земле, можно услышать их стоны и бесполезные жалобы.

Все эти басни были на руку тем, кто избрал катакомбы своим убежищем. Под землей они чувствовали себя в безопасности. Редкий соглядатай отваживался подойти к лазу. А тот, кому бы вздумалось спуститься, легко мог заблудиться в бесконечных проходах или сломать голову в специально вырытых катакомбах.

Бессилие власти и ее страх перед катакомбами стали предметом насмешек. Прославленный мим Феокл во время представления комедии синопейца Дифила «Непрошенный советник» в том месте, где неудачливый герой должен вызывать к богам, упал ниц и приложил ухо к деревянному помосту. Толпа разразилась понимающим хохотом. Всем был ясен намек: надо прислушаться к «подземным богам» и советам тех, кто объявил войну властям, кто прячется в катакомбах от со-

глядатаев и стражников. Ладонь, приложенная к уху, стала паролем для всех противников продажного и жестокого режима, установленного в стране Ариаратом. Лучше нельзя было выразить то состояние тревожного ожидания, в котором жила Синопа после кончины Митридата Эвергета.

Дрожащее пламя факела выхватывало из мрака бледное узкое лицо. Редкие волосы спускались на лоб, почти касаясь прямой линии сросшихся бровей. Глубоко посаженные глаза выдавали человека решительного, не привыкшего останавливаться перед препятствиями.

Его собеседнику можно было дать на вид лет сорок. На круглом лице живо блестели миндалевидные глаза.

– И в Синопе мне вреден солнечный свет! – с горечью сказал узколицый. – Из темницы в трюм, из трюма в подземелье. Еще немного, Диофант, и я научусь видеть в темноте, как крот.

– Как бог, – поправил Диофант. – Ибо нас называют подземными богами. Мы видим всех, но никто не видит нас. Ариарат дорого бы заплатил, чтобы узнать наши имена.

– Когда я покидал Синопу, этот человек владел землями близ Команы. Он выращивал коней для царской кавалерии. Теперь он жрец Кибелы и второй человек в государстве.

– У нас говорят: «Нечисть заводится в стоячей воде».

– И в этом есть свой закон, – сказал Моаферн задумчиво. – Митридатиды рвались к морю подобно стремительному горному потоку, дробя скалы. Они сокрушали все на своем

пути. И вот путь пробит. Нет преград. И у самого моря мелеет могучая река, засоряемая песком. Митридата надо вернуть горам.

– Я не понимаю тебя! – воскликнул Диофант удивленно.

– Я говорю о Париадре. Там реки идут крутым путем, и взору открыт горизонт.

– Но дикие горы – не место для наследника престола. Чему он там может научиться? – возразил Диофант. – Митридат забудет все, чему его учили.

– Горы дадут ему безопасность. А море от него не уйдет.

Автоликии

Ипподром Синопы переливался всеми цветами радуги. Колыхались яркие хитоны и кандии. Ветер надувал пурпурный полог, натянутый над царской ложей, и он хлопал, как парус.

Скачки были любимым зрелищем синопцев. Их относили к незапамятным временам и связывали с походом Геракла против амазонок. Царица воинственных дев Синопа приняла юного фессалийца Автолика, корабль которого был разбит бурей у ее берега. Вместо ненависти к пришельцу амазонка потянулась к нему всей своей еще не огрубевшей в схватках душой. Она обещала заплатить Гераклу дань, если Автолик победит ее в скачках. В противном случае он должен был остаться с амазонками и исполнять их капризы и прихоти. Автолик, которого на родине называли «покорителем коней», согласился на эти условия. Его не пугало поражение: он полюбил Синопу. Скачки состоялись на равнине, выше Весла. Синода сразу же обогнала Автолика, но у ручья, избранного метой, враждебный амазонкам Гелиос опустил тень. Напуганный конь Синопы поднялся на дыбы и сбросил наездницу. Амазонки, потеряв царицу, откочевали за горы Кавказа в степи Сарматии. Автолик же, опечаленный гибелью Синопы, заложил город и назвал его ее именем. В память о ней он также учредил скачки, проходившие раз в че-

тыре года в начале десятия, того месяца, когда весна переходит в лето. Их называли Автоликиями.

Автоликии славились далеко за пределами понтийской столицы. В них участвовали прославленные каппа-докийские кони, секрет выращивания которых знали лишь обитатели Фемискиры. Уверяли, что их вскармливали не овсом и ячменем, а сахарным тростником, растущим в долине Фермодонта. С каппадокийцами соперничали по выносливости гагры – мохнатые, коротконогие, приземистые лошадки, чем-то похожие на своих неутомимых наездников-пафлагонцев. Кони иберов были мускулисты и коротконоги. Узкие тропы на краю пропасти, переправы через горные потоки, спуск по крутым склонам выработали неповторимую мягкость и эластичность движений, осторожность и цепкость, которые так ценились знатоками. Из-за таврских гор привозили высоких стройных скакунов. В просвечивавших сквозь тонкую кожу жилах текала кровь, горячая, как ветер пустыни. Это были нисейские кони. Одни считали, что их вырастили мидяне, другие – армении. Было известно, что коней этой породы персидские цари предпочитали всем другим.

Скачки собирали знатоков благородного искусства ристания. Их речь густо пересыпана словами, не понятными простому смертному. Они относятся с презрением к входившим в моду перепелиным боям. Они не могут слышать о римлянах только из-за их пристрастия к схваткам глади-

аторов. Для них нет зрелища более достойного и благородного, чем бег коней. По неуловимым признакам они могут определить происхождение и возраст скакуна. Тавро на бедре для них – история, уводящая в века Ахеменидов.

Праздник Автолика привлекал и тех, кому ничего не стоило спутать игреневую масть с гнедой, а иноходь с галопом. Им ничего не говорили шея и линия спины, размет передних ног. Они любили скачки за пестроту одежд, за необычное волнение, заставлявшее забыть все будничное. В день Автолика можно было видеть царя, его родственников и друзей. Скачки приносили ощущение близости к тем, кто стоял наверху и жил неведомой народу жизнью.

С незапамятных времен повелось, чтобы Автоликии открывались выездом царя. Старожилы помнили, что Фарнак управлял упряжкой из девяти коней. Конечно, никто не ожидал, что внуку Фарнака доверят хотя бы четверку. Но ведь можно показать свое искусство и в беге на два парасанга с препятствиями или в заезде на три парасанга. Весть, что в состязаниях выступит юный царь, привлекла всех, кому дорога слава Понта и его будущее.

Наездники появились внезапно, словно выросли из-под земли. Тысячи голов повернулись к ним. Четверо в коротких хитонах, перетянутых поясами. Юный царь в голубом, расшитом золотыми нитями. Чалый конь под ним нетерпеливо бил копытами. Его соперники в черном, розовом и зеленом плащах вывели коней вороной масти.

По ипподрому волной прокатился шум. Знатоки зашпорили о породе царского скакуна. Удивительно, что он еще ни разу не участвовал в забеге. Он короткоголов, как пафлагонский гагр, но у него сухие и стройные ноги. Те, кто ничего не понимал в конях, восхваляли осанку юного царя, его красоту. «Смотрите, как он высок и строен! Разве дашь ему двенадцать лет?! А волосы, позолоченные Гелиосом! И какая гордая осанка!»

Взоры перенесли к царской ложе. Мать царя, Лаодика! Она в белой stole с серебряной перевязью через грудь. Нет, это не ее обычный наряд. Так на мозаике в тронном зале изображена владычица амазонок Синопа. Лаодика хочет показать, что она – ее наследница, что ей дорог этот праздник, в котором впервые выступает сын. И синопейцы, кажется, уже не замечали фигуру в черном гиматии рядом с царицей. В конце концов, все на свете имеет свою тень.

Но вот взлетел платок, возвещая начало скачек. И взоры обратились к зеленому полю. Ровно, грудь в грудь, мчались кони. Наездники прижались к их гривам. Сейчас первый ров!

Но что это? Чалый конь стремительно взметнулся на дыбы. Всадник в голубом едва удержался на крупе. Конь, почувяв его слабость, метнулся к барьеру.

Вопль ужаса потряс ипподром. Ариарат склонился над царицей, закрывая от нее зеленое поле своей черной одеждой. Диофанта пронизала догадка: жрец также делал став-

ку на Автоликовы скачки! Он подобрал норовистого коня. Смерть Митридата во дворце выдала бы его с головой. Народ помнил об Эвергете!

Мальчик висел на боку у скакуна. Еще одно мгновение, и он ударится головой о мету...

На глазах у зрителей произошло чудо. Митридат подобрал поводья и натянул их одним рывком. Конь повел головой, почувствовав недетскую силу. Он снова вспрянул на дыбы, пытаясь сбросить седока. Но тот словно прирос к его спине. В пестром вихре неслись перед Митридатом проходы между рядами, царская ложа, желтый песок и открытые ворота ипподрома.

Крик ликования вырвался из тысяч уст. В воздух взлетели войлочные петасы и зонтики. Народ был восхищен великолепным зрелищем.

Эллины вспоминали, что по линии Лаодики Митридат – потомок Александра Македонского. И он повторил его подвиг! Он покорил своего Буцефала. Персам Митридат казался вторым Киром, потомком которого он был по отцовской линии. Кира воспитали пастухи. Он обуздывал диких коней до того, как покорил все народы Азии.

А Митридат словно не радовался своей победе, не замечал всенародного восторга, не слышал обращенных к нему призывов. Прижавшись к мокрой шее покорного скакуна, он мчался к воротам. Царские стражники бросились ему наперерез. Но кто-то из зрителей швырнул в них сосуд с горя-

щим горным маслом. Кони отпрянули в сторону. И Митридат успел проскочить. Мелькнул его голубой хитон и исчез.

В овраге

Человек в коротком плаще – на вид ему можно было дать лет двадцать пять –пил из рога маленькими глотками. Казалось, он не замечал всадников, не слышал приближавшегося топота и криков погони. Может быть, ему вздумалось показать мальчику, гладившему шею загнанного коня, как надо встречать опасность? И лишь когда первый из преследователей (это был Ариарат) поравнялся со сломанным дубом, он схватил мальчика за руку и потянул к оврагу.

Они стремительно неслись вниз, перепрыгивая через переплетенные корни. Ветки наотмашь хлестали по лицу. Колючки раздирали одежду...

Шум погони становился глуше, а потом и вовсе замер. Колючий кустарник сменился ветвистыми деревьями. В полумраке, подобно старинному зеркалу, поблескивало озерцо. Пахнуло гнилью и сыростью.

Беглецы остановились. Один был невысокого роста, но с мускулистым загорелым телом. Другой – высок и строен. По длинным волосам и нежной, незагрубевшей коже рук его легко было принять за одного из тех юнцов, чей жалкий удел – украшать непристойные господские пиры и забавы. Складка губ была капризной, как у тех, кто знает о своей неотразимости и умеет извлекать выгоду из красоты. Так, во всяком случае, показалось его разгоряченному бегом

спутнику.

– Вот мы и дома! – Он посмотрел на едва пропускавшие свет древесные кроны. – Крыша над головой! – Прикоснувшись пальцами к влажной осоке, он добавил значительно: – Постель!

Мальчик не ответил. Во взгляде его сквозило недоверие и, может быть, неприязнь.

– Чего нам с тобой не хватает? – продолжал старший, забавно морща лоб. – Ах! Мы еще не представились друг другу.

Он отступил на шаг и сделал неуклюжий поклон, воображая, что именно так знакомятся люди высшего круга.

– Алким, сын Гермодора, херсонесит.

Мальчик молчал, угрюмо глядя себе под ноги.

Назвавшийся Алкимом с участием взглянул на него.

– Понимаю! – выдохнул тот. – У моего первого хозяина, рыботорговца, кол ему в глотку, была привычка давать рабам мудреные имена. Конюха он называл Хатроматидом, повара – Фереогандром. Мне он придумал кличку Сисомалей. Только и слышал: «Сисомалей! Поддай сандалии. Сисомалей! Налей вина. Сисомалей, негодный! Снимай хитон! Ко всему приспособился. А вот к кличке этой привыкнуть не мог. Тьфу! Сисомалей! Когда он в море тонул, думал, что я его спасать буду. Захлебывается и кричит: «Сис... Сис...» С этим и на дно пошел, к своим рыбам. В доме все были рады-радешеньки, что от него избавились. И госпо-

жа первая. Не стала она меня благодарить. На другой день продала! «Не нужен, говорит, мне такой раб!» Купил меня Диофант, синопеец. Слышал, наверное? Историю он пишет. Я ему для нее и понадобился. Однажды призывает меня к себе и на свиток показывает, что на столе развернут. «Есть у вас в Херсонесе муж многомудрый, Дамосикл. Я ему первую книгу своей истории послал, а вторую ты отвезешь. В ней о временах Фарнака и о том, как он с Херсонесом союз заключил». Не дали ему боги эту книгу закончить. – Алким вздохнул. – Умер царь Эвергет, его покровитель.

У мальчика затряслись губы. Алким этого не заметил.

– Все он забросил. Сидит, подперев руками голову, или бродит. На месяц куда-то уехал, а когда возвратился, говорит мне: «Просьба к тебе, Алким! Беги к Волчьему оврагу. Туда мальчик придет». Больше ничего не сказал. Два дня я тебя ждал. Съел все, что с собой прихватил. Вот осталось...

Он протянул мальчику лепешку. Тот поглядел по сторонам, словно желая убедиться, что никого нет, и жадно вонзил в нее зубы.

– Ты не бойся! – продолжал Алким. – Здесь тебя не найдут. А хитон я тебе отыщу. Ты где его бросил?

– Волки здесь есть? – Это были первые слова, которые произнес мальчик. Судя по акценту, он не был эллином. Он говорил не «есть», а «эсть».

– Сейчас. – Алким подошел к кусту болиголова и поднял прицепившийся к колючкам клочок шерсти. – Вот! Но волки

нам не страшны! Я от них знаю заклятье! – «Трум бурум бум кели бегум». Как бы от людей такое слово узнать, чтобы они от нас бежали... Тому, первому с повязкой у рта, я бы голову оторвал. Очень уж он злой.

– Это Ариарат, – пояснил мальчик.

– Ариарат? – удивился Алким. – Что ему от тебя надо?

Мальчик наклонил голову. И только теперь Алким увидел, что волосы у него редкого золотистого цвета.

– Можешь не объяснять, – сказал Алким. – От таких и безногие бегут! Диофант на что добрый человек, а говорит: «По Ариарату кол сучает».

Я слышал, – продолжал он, понизив голос, – что Ариарат царя погубил, дав ему вместо лекарства отраву. Болтают, что он и царицу околдовал. Хочет увезти ее из Синопы. Только я думаю, что в нее вселились эринии. Потому что у нее совесть нечиста.

– Молчи! – закричал Митридат, скидывая голову. – Молчи, раб! Это моя мать!

«Эфесский сенат»

Говорят, выдающимся людям свойственны странности. И по этому признаку устроитель Азии Маний Аквиллий вполне мог быть отнесен к великим мира сего. Нет, он не занимался вышиванием, не собирал уродцев из Африки. Его ододела иная страсть.

В те дни, когда легионеры очищали Пергам от повстанцев, однажды консул наткнулся в царском дворце на зал восковых фигур. Он напоминал поле боя с трупами поверженных, обезглавленных, раздавленных колесницами врагов. Любопытный римлянин на месте Аквиллия приказал бы собрать этот хлам и перетопить на воск, имевший немалую цену. Но консуляр поднимал восковые головы, отделенные от туловищ мечами, с таким сокрушенным видом, словно они были из шкафа предков в его атриуме, а не принадлежали каким-то азиатским царям. Тогда же он приказал восстановить эти фигуры и перевезти их в Эфес, в свой таблин. Впоследствии он пополнил коллекцию Аттала новыми изваяниями, заказав слепки с многих сенаторов и царей как союзных Риму государств, так и независимых. Из зала были удалены лишь изображения гетер. Все фигуры в таблине были в одеждах и имели вполне пристойный вид. Это должно было говорить о благочестии устроителя Азии, как стали называть Мания Аквиллия.

Секретарь, грек Эвмел, знал любимцев и любимиц консуляра. Маний Аквиллий мог часами сидеть перед фигурой какого-нибудь македонского царя или афинского оратора, изучая каждую морщинку на их желтых лицах. Но потом наступало охлаждение, и фигуры отодвигались в темный угол зала, покрывались там пылью или паутиной.

Редко кто удостоивался чести быть допущенным в «эфесский сенат», как вскоре стали именовать таблин Мания Аквилия. Едкость этой насмешки мог оценить лишь тот, кто знал властолюбие устроителя Азии. Консуляр не считался с мнением римских сенаторов, пренебрегал советами знатных пергамцев. В то же время он никогда не отказывал в приеме этому ионтийцу Ариарату.

О чем они беседовали, оставшись наедине? Может быть, жрец убеждал римлянина перейти в свою веру. Ведь и среди нобилей появились прозелиты Кибелы, предпочитавшие ее греческим богиням.

Ариарат заметил, что восковые фигуры стоят лицом к стене, словно их наказали за какую-то провинность.

А может быть, Маний Аквиллий боялся, что лица восковых изображений откроют пришельцу свои тайны?

– Это ты? – послышался хриплый голос.

Ариарат посторонился, пропуская консуляра. Лицо римлянина было спокойным и даже приветливым. Лишь едва вздрагивавшие кончики губ выдавали тревогу.

Слушая рассказ об Автоликиях и о бегстве Митридата,

Маний Аквиллий ходил по кругу, останавливаясь то у одной восковой фигуры, то у другой. Могло показаться, что консуляр решал для себя какую-то загадку.

Когда Ариарат перешел к тайне Лаодики, связав ее с бегством Моаферна, Маний Аквиллий сделал нетерпеливое движение:

– Нет, нет! Лаодика здесь ни при чем! Эти два побега – из Эфеса и Синопы – дело обитателей вашего «подземного Олимпа».

– В Синопе нет влиятельных друзей Эвергета, – возразил Ариарат. – И я не знаю, кто бы мог без ведома Лаодики послать корабль в Эфес.

– А этот? – спросил консуляр, бросаясь к стене. Он схватил за плечи восковую фигуру и повернул ее.

– Диофант! – воскликнул жрец, пораженный не столько предположением римлянина, сколько тем, что синопеец оказался в «эфесском сенате».

– Диофант, сын Асклепиодора! – подтвердил Маний Аквиллий.

– Но он не покидает Синопы. За свитками он не видит света.

– А писания его расходятся повсюду. Вчитайся в его «Историю Понта», и ты поймешь, как он опасен. Диофант вскрыл голову твоим синопейцам, и они бредят морем и кораблями. Торгаши мечтают о подвигах аргонавтов! Лаодика для них помеха! Им нужен этот!

Маний Аквиллий повернул фигуру, находившуюся рядом. И сразу Ариарату вспомнилось монотонное чтение: «Роста выше среднего, брови сросшиеся...»

– Моаферн! – воскликнул жрец.

Маний Аквиллий медленно, как бы рассчитывая на эффект, поворачивал еще одну восковую фигуру.

Ариарат едва не вскрикнул. На него смотрел Митридат Эвергет! Таким он видел его в последние минуты прощания. Та же мученическая складка губ и слегка прищуренный глаз, словно царь знал своего убийцу.

– Два брата, – сказал римлянин, пододвигая фигуры друг к другу. – Если бы я был женщиной, я выбрал бы того. – Он ткнул на Моаферна. – Смотри, какой гордый поворот головы и решительность во взгляде. Но меня больше устраивал этот, с мягкими линиями и женственным ртом.

Он положил ладонь с короткими пальцами на плечо фигуры Эвергета.

– Ты сделал ошибку, Ариарат, – продолжал он доверительно. – Нить Лаодики завела тебя в тупик. Царица связана с тобою преступлениями, и для нее это сильнее любви.

Ариарат опустил голову. Маний Аквиллий преподавал ему урок политики. Кажется, в этом искусстве воск необходим так же, как яд.

В горах Париадра

За ночь долина побелела. С неба валили перья, словно где-то очень высоко пролетали огромные птицы и трясли сверкающими крыльями.

Митридат стоял с вытянутыми руками. Лицо его выражало недоумение. Почему земля, крыша хижины покрыты белыми перышками, а его ладони, сколько бы он их ни держал, оставались пустыми. Он стоял до тех пор, пока из хижины не выбежал Алким, вставший позднее обычного.

– Снег! – радостно закричал Алким. – Снег!

Наклонившись, он схватил полные пригоршни снега и стал бросать его вверх, на себя, на Митридага.

– У нас, – захлебываясь, говорил херсонесит, – тоже падает снег, но быстро тает. Поэтому мы торопились играть. Мы лепили скифов.

Он набрал снега, сжал в комок и стал катать его. Митридат с восторгом и удивлением наблюдал за Алкимом.

Белый ком рос на глазах. Сначала он был величиною с круглый камешек на берегу за городской стеной, куда Митридата выводили под присмотром бесчисленных няnek и стражей. А теперь он больше ядра для катапульта, которое он видел у арсенала.

– Что ж ты стоишь? – крикнул Алким. – Помогай!

За месяц, проведенный в горах, не осталось и следа

от пропасти, разделявшей поначалу Алкима и Митридата. Казалось, Алким забыл, что он – вчерашний раб, а Митридат – царь. Для него он был младшим братом, нуждавшимся в защите. В первое время Митридату казалось странным, что приходится работать, как какому-нибудь поденщику. Но вскоре он стал находить удовольствие в том, что не уступает своему новому товарищу в ловкости и силе. Он мог выламывать камни, рубить дрова, разжигать костер. По первому слову Алкима он бежал к ручью за водой.

Так и теперь, услышав: «Помогай!», Митридат погрузил ладони в снег. И вот уже растет его шар – такой же ровный, круглый, как у Алкима.

– Хватит! – сказал херсонесит.

Он схватил комок Митридата и водрузил его на свой ком. Все вместе стало напоминать человеческую фигуру. Для большего сходства Алким воткнул в верхний шар два уголька, а под ними щепку.

– В степи за Керкинитидой стоят такие же, – добавил он, отступая на несколько шагов. – Только они из камня. Мы называем их скифами. Когда я был эфебом, нам приказали доставить одного скифа в город. Мы тащили его впятером по очереди. Сколько раз мы скатывали его с горы, а он целехонек. Ничего с ним не делается! Так и донесли. Стратег приказал поставить скифа на агоре рядом с медной статуей Геракла. Тогда мы поняли. Скифы нам войну объявили. Их царь Скилур послов прислал. Грозил нас в море сбросить,

потому что мы пришельцы. И наши обычаи ему не нравятся, и наши боги. Вот и решил стратег поставить скифа рядом с Гераклом. Пусть граждане сами сравнивают, кто лучше! Только недолго стоял скиф на агоре. Увидел его басилей, жрец наш, и приказал в море бросить. И город очистить, словно от скверны. Потому что не пристало скифской образине рядом с Гераклом стоять.

– Эге-ге! – послышался чей-то голос, усиливаемый эхом.

– Бежим! – бросил Алким. – Кто-то просит о помощи.

И вот они бегут, проваливаясь и падая.

В полузанесенных снегом кустах чернела человеческая фигура. По длинной осыпи на холме было видно, что человек поскользнулся и упал. Если бы его не задержали кусты, он скатился бы в пропасть.

Поддерживая друг друга, Алким и Митридат спустились к кустам. Человек был без сознания. Но стоило Алкиму прикоснуться к его плечу, как он застонал. Лицо его было искажено от боли.

Это был Моаферн.

В долгие зимние месяцы Митридат совершал мысленные путешествия по неведомым ему странам. Проводником был Моаферн. Рассказывая Митридату о прошлом, он как бы рассчитывался с ним за все то тяжелое и горькое, что оно ему принесло.

Моаферн повел мальчика в Карфаген, город, которого уже

не было. Митридат ходил по улицам, наполненным разноречивой толпой, стоял перед сверкающими медными статуями. И потом он видел эти улицы и храмы полными трупов. Он вдыхал едкий запах гари. И хотя понтийские триеры были посланы отцом на помощь римлянам, Митридат был на стороне осажденных.

Пергам! Имя этого города отзывалось в сердце какой-то непонятной тревогой. Три террасы гимнасия, врезанного в склон акрополя. Здесь Моаферн читал Гомера и Аристотеля, бросал диск, счищал стригилем потное и разгоряченное тело. Среди сотен имен на мраморных досках было и его имя. Прохлада Пергамской библиотеки. Статуя Афины. Шкафы. За соседним столом юноша, склоненный над свитком. Удивленная складка на лбу. Открытый взгляд. «Как твое имя?» – «Аристоник!» – «А твое?» – «Моаферн. Брат царя». – «И я тоже». – «Что ты читаешь?» – «Ямбула. “Государство Солнца”».

Гимнасий, библиотека, агора, дворец. Через десять лет они стали орхестрой для великой трагедии.

Короткими и точными штрихами Моаферн сумел охарактеризовать ее главных героев: подозрительный, одержимый страхом Аттал; Аристоник, повзрослевший, много понявший, но такой же непримиримый; злобный и жадный римлянин Маний Аквиллий, волк в тоге. Действие разворачивалось стремительно, как в творениях Эврипида. Первой на сцену выступала Клевета. Она была в маске дружбы. Она расточа-

ла похвалы, притворно удивлялась великодушию и нашептывала. Каждое ее слово было медленным ядом, проникавшим в кровь. «Кто этот Аристоник?» – «Сын моего отца от рабыни...» – «Твой брат?» – «Да...» – «И наследник?» – «Я над этим не задумывался». – «Пора и подумать, если не хочешь опоздать». – «Тебе что-нибудь известно?» – «Ничего нового! За благодеяния не платят благодарностью».

Изгнав по навету своего сводного брата, Аттал лишился наследника. Наследником стал Рим, не остановившийся перед убийством царя и подделкой его завещания. Таково было первое действие Пергамской трагедии.

Второе началось в горах, где Аристоник собирал всех униженных, недовольных, всех отчаявшихся в справедливости. Они называли себя гелиополитами. Моаферн знал их не понаслышке, не по отзывам врагов. Он сам сражался в их рядах, сам видел, как бежали римские легионы под Левкою, как ликующие эллины встречали победителей. В голосе Моаферна звучало то же ликование, слышался тот же восторг.

Третье действие трагедии Митридат пережил как свою беду. Отец прислал римлянам новое войско. Как он не мог понять, кто его враг? А когда ему это стало ясно, римляне уже вошли в Пергам. Моаферн рядом с Аристиком шагал перед триумфальной колесницей Мания Аквилія Старшего. Они расстались у Мамертинской тюрьмы. Аристонику ждала смерть, а Моаферна – каменная башня на холме, возвышающемся над Эфесом. Через окно, пересеченное железны-

ми прутьями, Моаферн видел столицу римской провинции. За десять лет он многое передумал. Нет! Он не винит отца! Он хочет за него отомстить.

Долина очистилась от снега. В косых лучах Гелиоса она напоминала полуразвернутые восковые таблички, исчерченные ручьями, исписанные каменными осыпями, разукрашенные голубыми пятнами озер. И как белоголовый мудрец застыл над долиной Париадр, словно удивленный своим собственным творением.

Моаферн перевел дыхание. Как не похожа эта долина на ту, зимнюю! Как богаты краски! Как свежо и великолепно это сочетание зелени, голубизны, сверкающей белизны!

– Дядя! – послышался звонкий мальчишеский голос.

Митридат ринулся в объятия к Моаферну.

– Я увидел тебя из нашей крепости. Вот оттуда! – захлебываясь, говорил мальчик. – Ты знаешь, у нас новая хижина. Мы натаскали камней. Алким сделал бойницы, как у себя в Херсонесе. А потом мы играли в скифов...

Митридат не успел закончить свою сбивчивую речь, как показался Алким. Приветствуя Моаферна, он поднял руку. Стало видно, что она обмотана белым.

– Видишь, – начал Алким, – и я воевал.

– Молва о ваших подвигах догнала меня в Амисе. Пришлось вернуться с полпути. Говорят, что их было трое?

– Четверо, – сказал Митридат. – Но трое бежали, а чет-

вертого я сбросил с обрыва. Он уцепился за ползучее деревце и висел, пока было сил.

Во взгляде Моаферна гордость сменилась укоризной.

– Стоило спускаться в пропасть из-за какого-то негодяя!

– Но он хотел меня убить, а попал в Алкима. И я бы его вытащил, если бы Алким дал мне свой пояс, чтобы надвязать веревку...

– Алким поступил правильно и заслуживает награды. Тебя же надо наказать.

Мальчик насупился:

– Меня не наказывают. Я царь!

– Поздно ты об этом вспомнил, – улыбнулся Моаферн. – И кто тебе сказал, что царей не наказывают?

Он засунул руку за гиматий и вытащил оттуда свернутый свиток.

– Вот твое наказание. Ты выслушаешь все, что я тебе прочту, и сделаешь то, что скажу.

– Кто это написал? – спросил мальчик, ощупывая край свитка.

– Аттал.

– Ты мне о нем рассказывал...

– Не все! Ты еще не знаешь об увлечениях этого чудака. Одно из них – лепка из воска. По словам моего тюремщика, Маний Аквиллий до сих пор сохраняет восковые фигуры Аттал а. Там видели и мою персону! Я позировал царю еще до того, как он поверил наветам на Аристоника. О другом,

не менее страстном увлечении последнего царя Пергама, тебе поведает этот свиток.

– Это скучно? – спросил мальчик.

– Поучительно! – ответил Моаферн, произнося отдельно каждый слог.

– Тогда читай!

Моаферн развернул свиток.

– «Сорви на болоте или на берегу озера мясистый полый корень, называемый цикутой. Его трехпалые листья распространяют запах, похожий на аромат садового сельдерея. Высуши корень на огне и разотри. Примешай к пище. Появится слюна, дрожь по всему телу. Смерть!»

Найди в лесу куст с прямыми стеблями и расчлененными листьями. Его синий цветок походит на фракийский шлем с опущенным забралом. Вырви шишковидный корень, растолки и примешай к гуще. Лицо покроется потом, расширятся зрачки. Потом рвота, дрожание всех членов, смерть...»

– Постой, – прервал Митридат. – Раньше ты говорил мне о царстве Аттала. А тут о ядовитых растениях. Что тут поучительного?

– Аттал проверял все эти яды на своих родственниках, – ответил Моаферн. – Уцелел один Аристоник! И знаешь почему?

Митридат помотал головой.

– Тогда слушай дальше. «От цикуты нет спасения, кроме как от нее самой. Глотай по три шарика ежедневно». Теперь

понимаешь?

– Нет!

– Аттал хочет сказать, что от яда может спасти только яд. Это было известно и Аристонику, а от него – мне.

Моаферн снял с шеи кожаный мешочек и бережно высыпал его содержимое на ладонь. Митридат увидел маленькие желтые шарики, похожие на зернышки проса.

Взяв щепотью три зернышка, Моаферн протянул их мальчику.

– Проглоти!

Митридат отпрянул. Теперь он уже понимал, что Моаферн дает ему противоядие. Он вернулся в горы, чтобы обезопасить его от яда. Но разве в этой глуши страшны отравители? Убийцы там, во дворце! И с ними мать!

– Я не хочу! – закричал мальчик. – Я все равно туда не вернусь! Мать ненавидит меня!

– Не упрямясь, Митридат! – сказал Моаферн, положив руку на плечо мальчика.

В его взгляде была непреклонная воля человека, прошедшего через тюрьмы и познавшего коварство врагов.

– Не упрямясь, Митридат! Это царское снадобье! Глотай!

Потом они лежали на траве. У Митридата кружилась голова, и его тошнило. Лицо Моаферна расплывалось, как в тумане, а слова, казалось, исходили не из его уст, а падали откуда-то сверху. Это были странные непонятные слова.

Моаферн говорил о матери. Она заслуживает сострада-

ния. Митридат хотел крикнуть, что ненавидит мать. Но он не мог разжать рта. Царское лекарство! Пусть бы он лучше родился пастухом!

В храме Кибелы

Огромная толпа колыхалась на площади перед храмом Кибелы. Всех этих людей привлекло не зрелище выхода богини, еще более пышное и драматичное, чем скачки, а вера в чудо. Одни надеялись, что богиня исцелит их от недугов, другие мечтали, что она вернет им свободу, третьи ожидали от нее радостей, которых были лишены в жизни. Ибо Кибела была не богиней, покровительствовавшей здоровью, любви или богатству, она была богиней – подательницей всех благ, богиней богинь. Там, за оградой храма, были господа и слуги, местные жители и иноземцы. А здесь, на площади, все становились рабами Кибелы. Перед ее сияющим ликом исчезали все различия, надуманные людьми.

Из ворот процессии выкатилась колесница, запряженная четверкой мулов с львиными масками на мордах. И предстала жрица в одежде богини. На ее голове золотая корона с зубцами наподобие крепостной стены. Спадающая до пят шафрановая мантия сверкает драгоценными камнями. Но лицо скорбно. Взгляд кого-то ищет.

Паломники бросились навзничь, упали на колени. Площадь заполнилась мольбами, воплями, стонами. А из ворот выбежали юноши, безбородые, длинноволосые, в белых одеждах. Они исступленно плясали, высоко поднимая ноги, дергая головами. В руках их глухо рокотали бубны, гремели

кимвалы.

– О, Кибела! О, Кибела! – пели галлы. – Скрылся, скрылся Аттис! Он ушел от рощ дремучих, от твоих щедрот, Кибела! По морской волне бездушной мчит его дельфин послушный. Горе! Горе!..

Лаодика вскинула голову. Горе Кибелы было ее горем. Богиня потеряла Аттиса. Она – Митридата. Теперь ей одной управлять колесницей государства. Как удержать львов? Где найти защиту? В горы!.. В горы! Ариарат не раз советовал покинуть Синопу. Теперь Лаодика приняла решение. Ариарат победил. Она ощутила силу этого человека и поверила ему. Подобно Ксерксу, возненавидел он не эллинов, не финикийцев, а ту чудовищную стихию, которая втянула в себя эти народы. Нет! Море не облагораживает людей. Оно их губит! Оно завлекает их своими далями, заволакивает игрой волн. И они, теряя разум, связывают плоты из бревен, строят корабли. Они пускаются в странствия, ищут золотое руно и блаженные острова. Они наполняют свои города лживыми баснями и чужим добром. Их верховный бог – Нажива, их герои – Грабители, их вера – Обман. Недаром древняя мудрость предписывала строить города вдали от моря и его соблазнов! Афины Кекропа, Фивы Эдипа следовали ей. А Фарнак выбрал столицей город, оплевываемый морем до самого дворца. Волны навяли ему честолюбивые помыслы, пробудили ненависть к соседям.

Появление Ариарата прервало поток ее мыслей. Жрец

был в белом до пят кандии и в такого же цвета войлочном колпаке.

– Ты пришла в день Кибелы, – начал Ариарат торжественно. – Владычица дала знамение, указала место для новой столицы. В ней не будет места для нечестивцев, которых называют невидимыми.

– Где мой мальчик? – Лаодика сбросила с головы покрывало.

– Митридат в горах Париадра, – отвечал жрец. – Мои люди открыли его убежище. Это хижина, в которой живут пастухи. Он променял на нее дворец и твое общество. С ним Моаферн.

Лаодика облегченно вздохнула. Ее щеки покрылись румянцем.

– Я мог помешать этой встрече. Но ведь приказ Аквилия не распространяется на тех, кто в горах.

– Благодарю тебя, – еле слышно проговорила царица. – Хорошо, что мальчик не один. Но как его вернуть?

– Наберись терпения! Еще немного, и он будет с тобою. В Лаодикее он вырастет верным сыном и мудрым царем, достойным вечной памяти отца.

Встреча с Понтом

– Прощай, Митридат! – сказал Моаферн, низко склонив голову. – Мы расстаемся надолго, может быть, навсегда. Ты многому научился в горах. Но что ты знаешь о своем ремесле?

– О ремесле! – воскликнул Митридат.

– Если тебе не нравится это слово, возьми другое – искусство. Мы говорим об искусном враче, пекаре, кормчем. Как врач по частоте дыхания, по блеску глаз и другим симптомам определяет состояние больного, так государь по настроению подданных должен решить, как ему править. Пекарь замешивает муку на воде, а государь соединяет царство страхом. Но ведь тесто не должно быть слишком крутым или жидким! Кормчий выбирает путь, где нет подводных камней и опасных течений. Государь тоже должен смотреть вперед и видеть подводные камни. Все эти знания не даются от рождения. Их приобретают в общении с людьми.

Митридат сделал резкое движение. Он уже привык к манере речи Моаферна, к этим сравнениям, полным глубокого смысла. Но во всем, что бы тот ни говорил, оставалась какая-то недосказанность. Почему они должны расстаться? Ведь вдвоем легче противостоять козням врагов. И кому, как не брату отца, взять на себя обучение этому ремеслу или искусству? И почему он всегда находит оправдание

для матери, словно не она лишила его, Митридата, отца, словно не из-за нее он вынужден скрываться в горах?

Почувствовав внезапную настороженность во взгляде Митридата, Моаферн положил ему руку на плечо:

– Так нужно, мальчик. Да видит Солнце! Когда-нибудь ты это поймешь.

Моаферн запрокинул голову. На небе пылало огненное око всевидящего божества. Воздух был пронизан тем беспощадным светом, который не оставлял его зрению ни одного неясного очертания или тени. И горы, за которыми раскинулся Понт, выступали с такой невероятной четкостью, что можно было различить каждую их складку, каждый изгиб.

Митридат бежал, не разбирая дороги, напрямик. Ноги сами несли его. Колючие растения рвали кандий. Длинные волосы сбились на глаза. Пот заливал лоб. Словно и не было гор с их сверкающими вершинами, с потоками, неутомимо сбегающими со склонов. Словно всегда, как теперь, играл и переливался красками Понт.

– Го-го-го-о-о-о! – закричал Митридат, надеясь, что море отзовется эхом.

Но море не хотело его слушать и замечать.

– Гей, Понтос! – повторил он еще раз, когда море было совсем рядом.

– Радуйся, царь! – услышал он в ответ.

Нет, это не был голос nereid, с шумом набегавших на бе-

рег. Тритон не дул в свой рог. Не пели сирены! За скалой стоял человек в длинной хламиде, с кожаным щитом, приставленным к ноге. Митридат сразу его узнал. Это был Диофант, друг отца и господин Алкима, царский летописец и предводитель «подземных богов».

Эллин нетерпеливо махал рукой:

– Радуйся!

Митридата давно уже не удивляла емкость этого эллинского слова, которым обменивались при встрече и провожали в последний путь. У него не возникало желания спросить, чему он, собственно, должен радоваться. Он воспринимал приветствие в том первоначальном смысле, который ставил радость выше счастья, успеха и даже здоровья. Он на самом деле радовался и ясному утру, и встрече с Диофантом, который отныне будет его сопровождать.

Прошло немало времени, пока Митридат обратил внимание на щит у ног эллина. В том месте, где обычно помещают голову Горгоны с волосами-змеями, находилось голубое пятно. Оно было окружено до самого обода темно-коричневой полосой с извилистыми линиями и небольшими белыми пятнами. Кое-где на краю можно было увидеть черненькие кружочки с надписями.

– Смотри! – сказал Диофант, поднимая щит на уровень плеч. – Моаферн сказал, что царю нужен чертеж Понта и соседних земель. – Тогда я купил этот кожаный щит и расписал, где море, где суша, где горы и города.

Митридат взял щит и бережно провел кончиками пальцев по его поверхности. Он нащупал глубокую вмятину, проходившую по центру голубого пятна. Может быть, его владелец сражался с римлянами и эта впадина от ромейского меча?

Коричневое пятно на голубом фоне удивительно напоминало руку стрелка. Указательный палец наложен на дугу лука, большой оттянут вправо, и там, где его ноготь, черный кружок с надписью: «Пантикапей».

– Это столица Боспора! – сказал Диофант. – И наша цель.

– А как туда попасть? – спросил Митридат.

– Спроси это у Гриллы!

Диофант указал на стоявшего поодаль человека в укороченном гиматии и войлочном колпаке, небрежно подвязанном к подбородку. Обветренное лицо и широко расставленные ноги выдавали в нем моряка.

При приближении Митридата незнакомец упал на колени, пытаясь прикоснуться губами к краю его плаща.

– Что он делает? – Митридат отступил за спину Диофанта.

– Приветствует повелителя! – невозмутимо отвечал эллин.

Митридат быстро осмотрел свой рваный плащ, стоптанные сандалии, обветренные и привыкшие к труду руки.

– Какой же я повелитель?

– Ты – царь! – сказал Диофант. – Царь и сын царя.

– Тогда где мое царство? – спросил Митридат лукаво.

– Враги хотели лишить тебя всего, – молвил Диофант. –

Им удалось причинить тебе немало вреда. Но твое царство им недоступно.

Он обернулся и картинно протянул к морю обе руки.

– Понт Эвксинский! Вот твое царство!

Казалось, он открывал двери во дворец и приглашал войти.

– У Понта есть свой Ваал! – отвечал Митридат. – Вы, эллины, называете его Посейдоном. К тому же как я буду царствовать, если у меня нет трона.

– Посмотри внимательно. Вот твой трон!

Митридат взглянул в том направлении, куда указывал эллин. Он увидел матросов, сталкивавших на воду суденышко. Им помогал Алким.

– И ты называешь это тронем? Да это же арба без колес! Где мачта и парус?

– Позволь мне заметить, царь, – вмешался в разговор моряк. – Это не арба, а камара. Ее послал за тобою правитель Боспора Перисад. А я его милостью – кормчий.

Открытое и мужественное лицо незнакомца понравилось Митридату.

– Ты будешь теперь моим кормчим! – сказал мальчик, вступая в роль властелина. – И я награжу тебя, если доставишь меня к Перисаду, которого мой отец считал своим другом. А теперь распорядись, чтобы... – он сделал паузу, – камару спустили на воду. Потому что за долгие месяцы жизни в горах я соскучился по своим верным и молчаливым под-

данным.

Диофант недоумевающе взглянул на Митридата.

– Если ты считаешь, что мое царство – море, а этот корабль – трон, то мои подданные – рыбы. Не так ли?

– Нет, – проникновенно сказал эллин. – Твои подданные – народы, живущие по берегам Великого Понта. Настанет время, ты будешь царствовать над ними, над их горами, лесами, степями и нивами. Они дадут тебе своих сыновей; они пришлют лес, медь, смолу, лен. И ты прикажешь построить такой флот, который еще никогда не качался на этих волнах.

В голосе Диофанта звучала уверенность, а в глазах появился незнакомый блеск, словно море, о котором он говорил с такой страстью и надеждой, колыхалось в его взоре.

Штиль

Камара едва шевелила веслами. Птицам, парившим высоко в воздухе, она могла показаться черным жуком, ползущим по изумрудной волнистой траве. Размеренный скрип уключин сливался со звоном цепей и тихим плеском волн. Это была наводившая тоску, симфония штиля, знакомая каждому, кто плывал по Понту.

Митридат свесил за борт босые ноги и что было сил колодил ими по упругим доскам кормы. Он подгонял медленно плывшую камару, как нетерпеливый всадник – коня. Митридат радовался морю.

Он с детства привык к его шуму. Морские ветры обдували дворец Синопы. Морская синева открывалась из любой части города. Но ни разу Митридат не плывал на корабле. Отец, знавший коварство Понта, не решался доверить ему жизнь сына и наследника. «Не торопись! – говорил он мальчику. – Море от тебя не уйдет».

Отец ушел в ту страну, из которой нет возврата. И море отодвинулось от дворца. Лаодика не пускала сына в гавань. Митридат мог думать, что она боялась не за его жизнь, а за свою власть. Ему оставалось любоваться морем с высоты башни, откуда халдеи показывали отцу звезды. Отец хотел узнать по ним свое будущее. Эту башню называли «башней судьбы». Но звезды обманули отца. Митридат не верил звез-

дам. Он верил в море. Понт был его мечтой. Понт был его судьбой. В горах Митридат видел чуть ли не каждую ночь море и корабли. Ему снилось, что он плывет над желтыми песками, обгоняя рыб. И во сне было так легко и привольно! А когда он просыпался, не хотелось верить, что это сон, что перед глазами – закоптевшие камни хижины. «Ты растешь во сне! – объяснял Алким. – Мне тоже снилось, что я плыву, но не в воде, а в эфире. Вот, хвала Гераклу, и вырос!»

А теперь это не сон. Рябь слепит глаза. За кормою тянется полоса пены, как бы соединяя его с берегом детства. Могучий Понт с каждым всплеском весел отделяет его от всего постыдного и унижительного, что он пережил и что он еще нес в своей памяти. Там могила отца, за которого он еще не отомстил. Там мать и ее тень в черном кандии. Там Ариарат...

Теперь им его не догнать! Еще никогда Митридат не чувствовал себя таким сильным и свободным. Ему казалось, что он – владыка этих волн, шедших навстречу, как воины, рядами.

– Фазис! – крикнул кормчий, протягивая руку по направлению к плоскому берегу.

Митридат вскочил. Он ничего не увидел, кроме мутной полосы, резко выделявшейся в голубых водах Понта. Но в воображении тут же ожила Колхида. И вот он уже плывет не на босиорской камаре, посланной царем Перисадом, а на быстrokрылом «Арго». У него нет отца, нет армии,

нет казны. Где его спутники-аргонавты? Где Геракл, Тесей, Орфей? Митридат скользил невидящим взглядом по лицам Диофанта и Алкима. Никого!

Внезапно мальчик бросился к лестнице. В руках его кожаный щит. Он закрывает им голову, словно спасаясь от птиц, мечущих медные перья. Он подкрадывается к мачте, где висит чей-то плащ.

– Золотое руно! – шепнул Диофант Алкиму.

Херсонесит сделал усилие, чтобы улыбнуться, но на глазах его выступили слезы.

– Что с тобой, Алким? – воскликнул синопеец. – Скоро ты увидишь стены своего города.

– Но там не будет моего брата Неоптолема! Там, в Херсонесе, все будет напоминать о нем: улица сукновалов, где мы родились, гавань, где мы играли в аргонавтов... Как-то мы привлекли внимание кормчего, сидевшего на связке канатов. Поглаживая черную бороду, он сказал нам: «Дети! Вы замечательные мимы. Клянусь Посейдоном, мне повезло, что матросы оставили именно меня охранять камару! Я могу, не торопясь, полюбоваться вашей игрой. Но мне кажется, что палуба лучше подойдет для вас. Не так ли?» Мы с Неоптолемом развесили уши. Этот добродушный великан предлагал нам свое «Арго»! И вот мы на палубе. Устроившись на корме, мы так же, как Митридат, кричали невидимым преследователям: «Не догнать!» А потом Неоптолем предложил спуститься в трюм, чтобы полюбоваться по-

хищенными сокровищами Ээта. Не иначе как враждебное нам божество подсказало ему эту мысль. Не успели мы сойти с лестницы, как хлопнула крышка люка, и мы поняли, что оказались в ловушке. Я попытался кричать. Но чьи-то руки схватили меня и засунули в рот тряпку. Я задышался. Прошло немало времени, прежде чем нас вытащили на палубу. Вокруг, куда ни глянь, было море.

Алким вытер со лба пот и утомленно закрыл глаза.

– Наш добродушный великан, – продолжал он, – встретил нас зловещей ухмылкой: «Ну, птички, теперь вы свое отлетали! Подойдите-ка сюда». Он осмотрел нас с ног до головы и удовлетворенно крякнул: «Давно уже Харону не доставалась такая добыча!» Мое сердце ушло в пятки. Я подумал, что негодяй хочет нас убить. Прочитав ужас на моем лице, чернобородый захохотал: «Не бойся, птенчик! Ха-ха! Харон – это я! Меня называют похитителем душ. Кто только не побывал в моем трюме! А вот близнецов не было».

– Что же дальше? – слышался голос Митридата.

Мальчик слушал рассказ Алкима и сгорал от нетерпения. Горестная судьба маленьких херсонеситов, похищенных пиратами, была для него сказкой не менее увлекательной, чем приключения аргонавтов.

– Дальше, – сказал Алким глухо, – нас привезли в Трапезунд и продали порознь. Меня купил рыботорговец – я уже рассказывал о нем, – а Неоптолем достался какому-то корабельщику из Фазиса. – Алким резко повернулся: – Где-то

здесь мой брат. Ибо судьба, разлучив нас, дала мне добрых и великодушных господ, а его оставила в руках злых и жестоких.

В Лаодикее

Девочка выбежала из двери и застыла. Вместо моря, замыкавшего горизонт, нависали горы. Их очертания напоминали лица волшебников с острыми, крючковатыми носами. Маленькие облачка подобно клубам дыма вырывались из искаженных кривыми ухмылками губ скал.

– Ма-ма!

В крике девочки звучало удивление, смешанное с испугом.

– Мама, отдай мне море!

Царица, услышав вопль дочери, поспешила к ней.

– Глупенькая, здесь нет моря. Зачем тебе оно? Оно осталось в Синопе. Оно злое и жадное. Оно похитило твоего брата и унесло его на своих волнах. Кто знает, где он теперь? Какие люди окружают его?

Лаодика-младшая топнула ножкой:

– Неправда! Он ушел сам. Он не захотел жить с тобою, потому что ты слушаешь этого злого Ариарата!

Царица прикрыла ладонью рот девочки:

– Молчи! Кибела накажет тебя.

– Я не боюсь Кибелы! Моряк сказал мне, что надо приносить жертвы Посейдону, владыке морей. Посейдон сохранит Митридата, и он вернется домой! Моряк дал мне кораблик, сказав, что на нем вернется мой брат.

Царица с недоумением смотрела на дочь.

– Какой моряк? Я не понимаю, о чем ты говоришь!

– Это был добрый моряк. Он вышел из-за дерева, когда в саду не было слуг, и назвал меня по имени. Он сказал, чтобы я не печалилась о брате, что он не один, что с ним верные друзья, которые не оставят его в беде. Когда я спросила, скоро ли вернется мой брат, моряк задумался. «Не знаю, – ответил он. – Надо еще построить корабль. Такой, как этот».

Девочка разжала кулачок, и Лаодика увидела на ладошке крошечный кораблик. Игрушка была настолько искусно сделана, что можно было различить корму со статуей божества, мачту с реями, отверстия для весел вдоль борта. Над ними было процарапано: «Лаодика».

Царица осторожно взяла игрушку. На глазах ее показались слезы.

– Моряк сказал, что он вырезал этот корабль долгие годы. А я хочу вылепить маленького Митридата и поставить его на носу, чтобы он махал мне рукой... Мама, да ты не слушаешь!..

Лаодика не отводила взгляда от игрушки.

«В темнице, – думала она, – Моаферн мечтал о встрече со мной. И вырезал этот кораблик, вкладывая в него все свои надежды и любовь. А я не могла ему помочь. Да и теперь пропасть разделяет нас!»

– Мама! – лепетала девочка. – Отдай мне море! Пусть Ариарат останется здесь, а мы вернемся в Синопу. Я спущу

корабль на волны, и он догонит Митридата. Ты слышишь, мама?

Лаодика перевела взгляд. Площадь перед дворцом покрыта обломками. Со стороны реки доносились удары. Рабы Команы строили мост.

Ариарат не дождался, когда будут закончены все работы, и перевез их в этот пустой и неуютный город.

Диоскурия

Наутро вынырнул берег, покрытый черным лесом. За камарой увязались пара дельфинов. Их спины блестели, словно были вымазаны смолой.

Митридат вцепился в жесткий хитон Грилла:

– Почему они кружатся? Что им надо?

Кормчий бросил многозначительный взгляд на стоявшего рядом Диофанта.

– Это было так. Окружили наши моряки эллинское судно. Перебрались на палубу. Купчика к мачте привязали, чтобы проезд по Понту оплатил. А он упрямится. И только хотели его прижать, как он виноградной лозой обернулся и обвил полкорабля. От страха морячки за борт прыгнули.

Он подмигнул каким-то особым, еле заметным движением век.

– С тех пор дельфинами стали. И всюду сопровождают корабли. Эллина того ищут и никак не могут найти!

– Есть ли у тебя стыд, Грилл! – воскликнул Диофант. – То был не купчик, а сам Дионис. Да и не в Понте это происходило, а в Тирренском море. И пиратами были тиррены, а не понтийцы.

Кормчий покорно выждал, пока Диофант закончит.

– Какой Дионис? Откуда ему здесь, в Понте, появиться? Это все эллинские выдумки! Жаль, моряки не догадались

обрезать лозу.

Матрос на носу что-то крикнул, указывая на берег. Справа по борту открылась обширная бухта. В глубине виднелись горы, напоминавшие головы мрачных эфиопов. У подножия одного из холмов розовели черепичные крыши.

– Диоскурия! – воскликнул Грилл, не скрывая радости.

После бури и качки приятно чувствовать под собой твердую землю, особенно если это земля мирного города. Кормчий вызвался быть провожатым. По его словам, он не раз бывал в Диоскурии и, как видно, по торговым делам. Во всяком случае, он вспомнил агору, куда в базарные дни сходились купцы, говорившие на трехстах языках.

– А как они понимают друг друга? – спросил мальчик.

– Разговаривают знаками, – ответил Грилл.

Митридат рассмеялся. Он представил себе толпу, объясняющуюся жестами.

На агоре действительно оказалось несколько десятков горцев. Они стояли у мешков с орехами и фруктами. Когда Диофант заговорил с одним из них, ему ответили на ломаном эллинском наречии. Тут же вмешались другие, наперебой предлагая свои товары. Кормчий, едва скрывая раздражение, постарался увести Митридата в крайний угол агоры, к невысокому деревянному помосту.

Там стояло несколько человек, и один из них, ожесточенно жестикулируя, в чем-то убеждал собравшихся. Это напоминало экклесию в свободных эллинских городах.

– Что обсуждают граждане Диоскурии? – спросил Митридат.

– Пойдем послушаем! – с улыбкой отозвался кормчий.

Чувствовалось, что он не раз присутствовал на подобных собраниях.

Подойдя ближе, Митридат понял свою ошибку. Это не эклексия, а торг. Курчавобородый эллин в темной широкополой шляпе был не оратором, доказывавшим преимущество демократии перед тиранией, а работорговцем. Об этом красноречиво свидетельствовал бич в его правой руке. Иногда он поворачивался и рукояткой прикасался к груди или ногам выставленных на продажу рабов.

– Соан Гитам. – Он ткнул бичом в плечо смуглого юношу со злобно сверкавшими глазами. – В бегах не был. Послушен, как ягненок.

Толпа зашумела.

– Брось врать! – выкрикнул кто-то. – Знаем мы соанов!

– Может охранять дом и молодую супругу, – не смущаясь, продолжал работорговец.

На лицах показались улыбки. Покупатели начали понимать, что работорговец шутит. Соаны славились своей воинственностью и непокорностью.

– Мосх Гарс, – представлял работорговец следующего невольника.

Это был рыжеволосый верзила с рыхлым телом. Из-под колпака выбивались до половины спины длинные и прямые,

словно лошадиная грива, волосы. Несчастный устало и равнодушно смотрел на толпу, ожидавшую новой шутки.

– В работе, как огонь. Не надо подгонять!

Толпа покатывалась со смеху. Не было рабов ленивее москхов.

– Эллин Неоптолем!

Митридат едва не вскрикнул от удивления. На помосте стоял Алким. Но почему на нем вместо хитона и гиматия фартук, спускающийся с пояса до колен? И как он здесь оказался? Неужели в то время, пока Митридат с Гриллом разглядывали горцев, Алкима успели схватить? Митридат готов был кинуться к помосту, но на его плечо легла чья-то рука. Оглянувшись, он увидел Алкима. Митридат не успел опомниться, как тот, расталкивая толпу, кинулся к помосту. И вот они рядом. Два брата, два близнеца. Они заключают друг друга в объятия, плачут, не стесняясь толпы.

Над агорой пронесся вопль.

– Диоскуры! Диоскуры! – ликовала толпа.

Митридат был напуган этим внезапным восторгом толпы, сменившим ее сонное равнодушие.

– Что случилось? – спросил он у Грилла. – Почему кричат эти люди? Что им нужно?

Кормчий не отводил глаз от помоста.

– Они просто приняли братьев за Диоскуров. Им кажется, что божественные близнецы возвратились в основанный ими город.

– Теперь они захотят оставить их у себя?

Кормчий пожал плечами. В его жизни, богатой приключениями, не было подобного случая.

– Могут и захотеть, – ответил он неуверенно.

Видимо, братья поняли эту опасность. Взявшись за руки, они сошли с помоста. Толпа расступилась. По образовавшемуся коридору они направились к гавани. Диоскурийцы были настолько ошеломлены, что никто из них не осмелился задержать юношей. Некоторые протягивали им своих детей, чтобы они их благословили. Братья вели себя с достоинством новоявленных богов. Лишь на сходни они поднялись с излишней поспешностью.

– Руби якоря! – крикнул Грилл, убедившись, что все на палубе.

У Боспора Киммерийского

В утренних сумерках, окутавших город подобно покрывалу из полупрозрачной косской ткани, стала выделяться громада дворца на акрополе. Она освещалась лучами Гелиоса, поднимающегося где-то за проливом, и словно висела в воздухе над агорой и улицами, еще погруженная во мрак. И по мере того как вырисовывались застывшие в грозной неподвижности квадратные башни цитадели, город наполнялся звуками: звоном цепей, освобождавших путь судам в гавань, скрипом отодвигаемых засовов, хлопаньем ставен, цоканьем копыт. По пыльным, покрытым чахлой травой улочкам, протирая глаза, спешили грузчики, плотники, мелочные торговцы – весь люд, кормившийся морем, все, кто надеялся получить случайную работу или сбыть чужеземцам свой нехитрый товар.

Но Гелиос и на этот раз обманул ожидания пантикапейцев. Вместо больших торговых судов из Родоса или Афин, вместо пентер или триер с палубами, усеянными людьми, в гавань бочком входила камара. По наклону ее корпуса можно было догадаться, что над нею жестоко потешилась буря. Так что, очевидно, она пришла не из Фанагории, что на том берегу пролива, а из Питиунта или Диоскурии. На таких суденышках гениохи привозят в Пантикапей рабов или подарки от царьков, желающих напомнить о себе могущественно-

му северному соседу.

Многие из тех, кто проснулся с криком первого петуха и шел этим утром в гавань, разочарованно, потоптавшись на месте, повернули назад. Другие продолжали идти как бы по инерции или, может быть, еще на что-то надеясь.

Человек в потрепанном гиматии, покрывавшем тощее тело, остановился и погрозил костлявым кулаком дворцу, венчавшему пантикапейский холм.

– Что ты делаешь, Памфил! – остановил его спутник, судя по одежде, такой же бедняк. – Наш добрый Перисад не виноват в твоих несчастьях. Словно ему самому не хочется сбыть зерно, что гниет в царской гавани?

Тот, кого называли Памфилом, обратился на говорившего насмешливый взгляд.

– Давно ли, Аристокор, ты стал оправдывать Пери-сада! Ты веришь жрецам, приписывающим все беды и радости воле богов. Но если в нашей жизни есть хоть какой-нибудь смысл, кто-то должен ответить за то, что мой гиматий состоит из одних заплат, а мои дети забыли вкус оливкового масла. Или ты хочешь сказать, что я лентяй и бездельник, каким величает меня моя жена?

– О нет, Памфил! Я знаю, что ты не брезгуешь никаким трудом. Но ведь и Перисад ни при чем. Он не виноват, что мореходы и купцы забыли дорогу в наш город. Можешь мне поверить, виновники всех наших несчастий – римляне. С тех пор как они захватили Элладу и превратили царство

Атталидов в свою провинцию, наши товары перестали привлекать чужеземцев. Сицилийское зерно дешевле нашего, наши рабы упали в цене. Каждая война, которая ведется Римом в Ливии или Сардинии, заканчивается продажей тысяч невольников. Ты слышал их поговорку «Дешев как сард»?

Беседуя, друзья подошли к молу, вдоль которого шла камара. На ее носу стоял человек с канатом. Лицо его показалось Аристокору знакомым.

– Да ведь это Грилл! – воскликнул Аристокор.

– Ну и что? – отозвался его спутник.

– А то, что Перисад отправил Грилла в Трапезунд за юным Митридатом. Царь бежал от своей матери или был похищен друзьями своего отца. Болтают разное! Но я знаю одно: римляне не допустят, чтобы Митридат вернулся в Синопу. Можешь себе представить, какая заварится каша!

Аристокор не успел высказать свои соображения. К ногам упал канат, и он поспешил замотать его вокруг сваи. Памфил бросился к корме.

С камары спустили сходни. По ним сбежал мальчик, золотоволосый, с живыми глазами. Он обвел взглядом город и повернулся к следовавшему за ним мужчине лет сорока в темном дорожном плаще:

– Скажи, Диофант, мы уже в Европе?

– В Европе! – ответил человек в плаще. – Ибо этот пролив, который эллины называют Боспором Киммерийским, а местные жители Пантикапом, отделяет Европу от Азии. Та-

кого мнения придерживается большинство географов. Некоторые же считают, что границей Европы и Азии является река Ра, впадающая в Гирканское море. Но я думаю...

– А римляне отсюда далеко? – перебил мальчик.

Пантикапейцы не услышали, что ответил учитель юному царю. Их внимание привлекли двое юношей, спускавшихся по сходням. Лицо одного было обожжено солнцем, другой был бледным, словно провел жизнь в заточении. Но ростом, осанкой, чертами лица они были поразительно похожи.

Появление близнецов считалось и в Пантикапее хорошим предзнаменованием. Оно, согласно старинным повериям, сулило успех во всех начинаниях. Неудивительно, что Митридат и его спутники были окружены кучкой любопытных, превратившейся вскоре в шумную толпу. Люди сопровождали прибывших до дворца и разошлись лишь после того, как стражи закрыли перед ними обитые медью ворота.

Первое знакомство

В зал вошел человек лет пятидесяти. Коренастый, лысый, с брюшком, он напоминал сатира, каким художники рисуют этого спутника Диониса на деревянных досках и вазах. По тому, как все устремили к вошедшему почтительные взоры, Митридат заключил, что этот забавный человек и есть Перисад.

– Вот и ты! – сказал Перисад, остановившись перед мальчиком. – Путешествие было интересным? Не устал? – Повернувшись к Диофанту, он продолжил: – Признаюсь, что я удивлен этой встрече. По твоему письму я рассчитывал встретиться с ребенком, которому нужна нянька. Но твой Митридат выше меня и мог бы, наверное, состязаться в силе с моими телохранителями.

Голос у царя был будничным, бесстрастным, как у людей, потерявших интерес к жизни и вкус к ней. Но глаза казались острыми и внимательными. Видно, боспорец старался понять, чего можно ожидать от Митридата и его спутников. Видимо, удовлетворенный результатами своих наблюдений, он молвил радушно:

– Меоты выловили и принесли мне рыбешку, а мой повар Ксур успел ее приготовить к вашему приезду. Сейчас мы за нее возьмемся!

Он потирал руки с видом человека, предвкушавшего удо-

вольствие.

Только в зале пиршеств, куда слуги ввели гостей, Митридат понял, чему радовался хозяин дома. «Рыбешка» оказалась настоящим чудовищем и имела чуть ли не пять локтей в длину.

По острому хребту и узкой длинной пасти было видно, что это гигантский осетр. Не менее, чем рыба, поражало серебряное блюдо, на котором она покоилась. Митридат готов был поклясться, что блюдо имело ту же форму, какой на кожаном щите Диофанта обладала Меотида, ограниченная берегами Таврики и противоположащим побережьем земли меотов. В довершение сходства с Меотийским болотом блюдо было заполнено застывшим желе с узором в виде гребешков волн.

Митридат не стал дожидаться приглашения и отважно кинулся к рыбе. Его примеру последовали близнецы и Диофант. К тому времени, когда вошел Перисад в сопровождении мальчика лет четырнадцати, между головой и хвостом «рыбешки» образовалась солидная брешь.

– Быстро вы вывели моего осетра на чистую воду! – добродушно смеялся Перисад.

Но Митридат, кажется, не понял шутки или даже не слышал ее. Он продолжал есть, наслаждаясь легким и ароматным мясом. Розовый жир тек по его подбородку и пальцам. Лишь насытившись, он откинулся на спинку кресла. Незнакомый мальчик не отводил от него пристального взгляда.

В нем можно было уловить любопытство.

– Я не познакомил вас, – сказал Перисад оживленно. – Это мой воспитанник Савмак. Я думаю, вы будете друзьями.

После обеда Перисад увел Диофанта с собою. Ушли близнецы. Мальчики остались одни. Савмак, казалось, был смущен. На его скуластом лице выступил румянец.

– Ты здесь давно? – спросил Митридат по-эллински.

– Шесть лет, – ответил мальчик неохотно.

Он произносил слова с легким акцентом.

– Из какого города?

– Из Неаполя...

– Ого! – злобно выдохнул Митридат.

Он слышал о Неаполе от Моаферна. Судя по его рассказу, это был эллинский город в стране римлян. Туда Аристонику, Моаферна и других пленных гелиополитов привезли на триreme, а оттуда в Рим они шли пешком по мощеной дороге, подгоняемые копьями легионеров. И этот мальчик, наверное, сын одного из тех неаполитанцев, которые были свидетелями позора Моаферна и его друзей.

– И чего тебе здесь надо? – спросил Митридат вызывающе.

– Не тебе знать! – ответил Савмак, дерзко вскидывая голову. – Можешь убираться в свою Синопу.

Митридат сжал кулаки. Так с ним еще никто не разговаривал. Даже Ариарат, хотевший его смерти, держался как почтительный слуга.

– Перисад сказал, что мы будем друзьями, – продолжал Савмак, все более возбуждаясь. – Но я вас ненавижу. Вам мало своей земли, вы хотите отнять наши степи, а нас сделать своими рабами.

Этот вихрь неприязни ошеломил Митридата. «Конечно, это римлянин, – думал он. – Римлянин из Неаполя. Ведь бывают же римляне из Афин, Пергама, Александрии!»

– Выйдем отсюда, римская змея! – сказал Митридат, подходя вплотную к Савмаку. – Я покажу тебе, как разговаривать с царями!

– Римская змея? – В голосе его противника звучало недоумение. – Это ты сам змея. И твоя мать продалась римлянам.

Этого уже нельзя было стерпеть. Митридат схватил Савмака за горло. И вот уже, сцепившись в клубок, они катаются по полу, ударяясь о ножки стола, сбрасывая посуду.

На шум прибежали слуги, растащившие мальчиков.

– Ай-ай! – сказал Перисад, входя в зал. – Что же это такое? Вас нельзя оставить ни на минуту одних. И как ты, Савмак, посмел обидеть гостя?

– Он назвал меня римской змеей! – пожаловался Савмак.

Митридат молчал. Он считал ниже своего достоинства оправдываться. Жаль, что у него не было бича, чтобы отхлестать этого дерзкого мальчишку.

– Ну зачем же? – Перисад смущенно разводил руками. – Какой он римлянин! Савмак – скиф...

– Но он из Неаполя! – бросил Митридат.

Перисад с недоумением смотрел на обоих, видимо не понимая, почему происхождение из Неаполя могло послужить причиной ссоры.

Потом, догадавшись, в чем дело, расхохотался:

– Да это же не римский Неаполь, а скифский. Неаполь скифский!

Теперь ты можешь понять, – молвил Перисад, возвращаясь к прерванному разговору, – каковы эти дикари...

– Но ведь виноват был Митридат, – сказал Диофант. – Он принял твоего питомца за римлянина. Этого было достаточно для ссоры. В горах Париадра Митридат прошел настоящую школу ненависти. Его дядя Моаферн провел много лет в римском плену и передал свои чувства племяннику.

– Может быть, – неохотно согласился боспорец. – Но и Савмак вел себя дерзко. Скифы неисправимы!

– Если ты такого о них мнения, что заставляет тебя держать при себе скифского мальчишку?

– Это длинная история! – сказал Перисад после паузы. – Начну с того, что Савмак не простой скифский мальчишка. Он сын даря Скилура от эллинской женщины. Скифские цари давно уже любят все эллинское. Уже во времена Геродота один из скифских царей был убит за свое пристрастие к вакханалиям!

– И ты веришь галикарнасцу! – воскликнул Диофант.

– В рассказах Геродота о Скифии немало вымыслов, – продолжал Перисад. – Но обычаи скифов отец истории опи-

сал со знанием дела. Ты сможешь в этом убедиться, выслушав мой рассказ до конца. Пока был жив Скилур, Хлоя, так звали мать Савмака, гасила все время прорывавшиеся вспышки ненависти к эллинам. В Неаполе и других скифских городах эллины благоденствовали. Но едва прах Скилура внесли в мавзолей, как возмущение вырвалось подобно пару из кипящего котла. Тысячи эллинов были убиты. Хлое удалось бежать в Херсонес. Херсонеситы не приняли ее в страхе перед гневом сводного брата Савмака, ставшего царем. Палак, так звали его, объявил, что каждый, кто окажет гостеприимство Хлое, его враг. Несчастная женщина попросила у меня убежища. И я обещал ей его из одного лишь человеколюбия. Но боги не дали Хлое увидеть стены Пантикапея. Она умерла в Феодосии, как я слышал, отравленная одною из своих скифских рабынь. Я приказал доставить ее сына во дворец. Тогда Савмаку было семь лет. Решив дать ему эллинское образование, я приставил к нему учителей. Но они не могли с ним справиться. Он стрелял из пращи камешками для счета, а стиль превратил в наконечник для самодельной стрелы. Грамматику Эвполиону, прибывшему по моему приглашению из Гераклеи, он прокусил ухо. Пришлось предоставить его самому себе. Слишком в нем сильна скифская кровь. Савмак скачет так, словно родился на коне. Ни один из моих стрелков не может состязаться с ним в меткости...

– Вот обрадуется Моаферн, когда узнает об этом! – вос-

кликнул Диофант.

– Обрадуется? – удивился Перисад. – Что ему до меткости моего скифа?

– У персов – а Моаферн перс по происхождению и духу – в старину дети обучались лишь верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. Не знаю, как в отношении последней, в первых двух Митридат получит наставника, которым мог бы гордиться сам Кир.

– Но почему ты думаешь, что Митридат захочет брать уроки у Савмака?

– Я в этом уверен, – сказал Диофант, – так же как в том, что они будут друзьями. Остальное я возьму на себя.

– Что ж! Пусть тебе помогают боги! Я могу лишь тебе дать один совет. Старайся держаться в тени. Пусть думают, что ты приехал для написания истории Боспора и тебя ничего не интересует, кроме древних преданий и старинных свитков. Тогда тебе будет легче завершить воспитание Митридата, а мне защитить его от коварства врагов.

– О чем ты говоришь? Ведь, выбирая Пантикапей, я полагал, что здесь царь будет в полной безопасности. Такого же мнения придерживается Моаферн.

– Вы ошибаетесь. Если Митридату и удалось на время скрыться от старых недругов, здесь у него появятся новые. Среди моих подданных немало тех, кто сочувствует римлянам. Не менее опасны те, кто возлагает надежды на победу Палака. И для тех и для других Митридат представляет опас-

ность. Пусть твои слуги будут на страже.

– Ты говоришь о близнецах?

– Да! Но их нужно разделить, чтобы не привлекать внимания толпы. Пусть один останется здесь. Другого я отправлю в Фанагорию.

– Это хорошая мысль! – сказал Диофант.

Деньги вперед

Незнакомец небольшими шажками прохаживался в пространстве, образованном колоннами. Это был человек лет сорока, плотный, с бритым лицом и мясистым багровым носом. Край небрежно заброшенной за плечо тоги волочился по каменному полу.

Ариарат показался из-за алтаря. При его появлении незнакомец остановился и сжал подбородок в кулаке таким образом, что нижняя толстая губа легла на согнутый указательный палец.

Этот жест, казалось, был воспринят как условный знак. Во всяком случае, жрец также сдавил кулачком свою бородку.

В такой странной позе оба стояли не шевелясь несколько мгновений. Первым нарушил неподвижность Ариарат. Отведя руку от лица, он положил пальцы в почтительно протянутую ему широкую ладонь незнакомца. Это было обычным приветствием, принятым среди паломников храма Кибелы или тех, кто прибывал под их видом.

Не спуская настороженного взгляда с незнакомца, жрец сказал:

– Судя по табличкам, которые мною получены, тебя направил Маний Аквиллий Старший.

Бритолицый кивнул головой. При этом глаза его загадоч-

но блеснули.

– Мой друг и покровитель пишет, – продолжал жрец, – что ты известен повсюду, как человек отважный и умеющий хранить тайны. Будто бы ты не раз выполнял его поручения.

– Было дело, – вырвалось у посетителя.

– Но почему я впервые слышу твое имя? Среди знакомых мне имен знатных римских родов Харонии не попадались.

Незнакомец захохотал. Смех у него был густым и раскатистым.

– Ха-ха-ха! Ну и насмешил! Он нарек меня Харони-ем! Ха-ха!

Ариарат отступил на шаг.

– Так ты не Луций Хароний Приск? Консуляр пишет не о тебе?

– Я – папа Харон! – гоготал пират. – Сыночки мои повсюду – и на скамьях для гребцов, и на рудниках, и в богатых домах, да и у тебя в храме. Ромей боится длинных языков. Вот он и приказал мне сбрить бороду и облачиться в этот наряд.

Ариарат не мог скрыть радости. Губы его вытянулись в удовлетворенную улыбку. Наконец-то нашелся человек, который положит конец затеям Моаферна. Жрец был уверен в том, что бегство Митридата дело его рук. Скрываясь где-то в Синопе, этот беглый мятежник подготавливает возвращение Митридата и свержение Лаодики.

Пират сжал кулаком подбородок. На этот раз это означа-

ло, что он намерен перейти к делу.

– Маний Аквиллий сказал, что деньги я получу от тебя. Ты знаешь, сколько стоит борода Харона?

– Я заплачу за каждый волосок, как только станет известно...

– Не выйдет! – перебил пират. – В моем храме тот же закон, что и в твоём: деньги вперед!

– Пусть будет так! – сказал жрец с поспешностью. – Только сумеешь ли ты замести свой след?

– Не беспокойся! Все сделают мои помощники.

Побратимы

Степь летела им навстречу, седая, в темных полосах, оставленных прошедшими на заре телегами, в рябинках суслицьих нор. Цокот копыт сливался с криком птиц, с треском потревоженных кузнечиков. И над всем царил тонкий и горький запах полыни.

Савмак обернулся и свистнул. Из травы показалась мохнатая собачья голова с длинными ушами. Пес тянулся, как бы желая объяснить, что он на месте и догонит, как только справится с куропаткой. Но, поняв, что хозяина интересует другая добыча, он обиженно взвизгнул и понесся, приминая траву.

За городскими воротами Савмак преображался. В том, как он держался на коне, как по мельчайшим, едва заметным признакам находил звериные логовища, чувствовался номад, хотя на самом деле только его отдаленные предки были кочевниками.

Митридат не уступал своему другу в силе и ловкости. Но ему не хватало того, что называют «чувством степи». Эта плоская, как ладонь, равнина казалась ему однообразной и тоскливой. А для Савмака каждый куст, каждое растение, не говоря уже о птицах и насекомых, имели не только имя, но и историю, полную глубокого смысла.

Вот этот встрепанный, застрывший между двумя камня-

ми шар-«сирота». Созревая, он отрывается от своего корня и скитается, гонимый ветром, перекачивается из ложбины в ложбину, от одного куста к другому, словно ищет родное становье. А эти зеленоватые кустики, поднимающиеся то здесь, то там в волнах белесого ковыля, Савмак назвал «киммерийцами».

Было когда-то такое могущественное племя, которое владело степью от Истра до Танаиса и питалось молоком кобылиц. Гордые своей силой, отравленные ядом могущества, киммерийцы бросили вызов самим богам. Они потребовали у них бессмертия. Разгневался Папай и иссушил степь. Она покрылась морщинами, как лоб столетнего старца. Сгорел ковыль. Высохли реки. Звери и птицы ушли в леса и горы.

Напрасно упрашивала Папая Табити, его добрая супруга, не таить зла на землю, породившую киммерийцев. Папай был неумолим.

И прилетает к нему в небесный чертог Сколот, птичка, выющая гнезда на крутых берегах. И жалуется она Папаю, что в стране, где она теперь живет, земля тверда как камень, студёный ветер пронизывает насквозь, и птенчики превращаются в ледышки.

Не выдержал Папай. Из его глаз, огромных и темных, как грозовые тучи, хлынули слезы. Высохшие русла степных рек наполнились светлой влагой. Поднялся ковыль. На том месте, где пали рассеянные Папаям киммерийцы, выросли

кустики, наполненные ядовитым белым соком. Звери и птицы обходят их.

И не было лишь в степи человека. Тогда Папай спустился на землю и соединился с прекраснейшей из рек Борисфеной (эллины называют ее Борисфеном, а северные варвары – Данаприем). От этого брака родился Тарги, получивший от Папая лук со стрелами и власть над степными зверями и птицами. У Таргисая было три сына: Липак, Арпак и Колак. Бросил им Папай с неба секиру, ярмо, соху и чашу, чтобы они могли вырубать леса, запрягать быков, вспахивать землю и доить молоко кобылиц. Были эти вещи из чистого золота, иначе не привлекли бы они грубых охотников.

Потянулся к золоту Липак, и вспыхнуло оно ярким пламенем, обжигая ему лицо и руки. Арпак поплевал на ладони и подступил к небесным дарам. Загорелись они и опалили Арпаку волосы (до сих пор его сыновья плешивы). И только Колаку золото далось в руки. Он унес его к Борисфене, там, где пороги, и воздвиг там свой шатер.

От Колаксия и происходят саи, которых эллины называют царскими скифами. Сами же они именуют себя сколотами в честь птички, вернувшей степи расположение Папая.

Митридат был захвачен красотой и скупой силой скифской легенды. Он удивлялся тому, что учителя-эллины, забивавшие ему голову мельчайшими подробностями о своих богах и героях, не обмолвились ни единым словом, что у скифов есть мифы. Они считают скифов варварами, полагая,

что варвар во всем ниже эллина и должен быть его рабом. Но не восходят ли эллинские мифы ко временам того же варварства, когда птицы умели говорить, а люди летать, когда с неба падали вещи из золота, которым еще не знали названия и цены.

У костра, метавшего искры в ночное небо, за ритонном, переходившим из рук в руки, текла неторопливая беседа. Оба изгнанники, лишённые отцовского крова и материнской ласки, они ощущали себя братьями. Прислушиваясь к скифской речи, Митридат находил много общего со своим родным персидским языком. Присматриваясь к поведению Савмака, он узнавал своих предков, какими они были четыреста лет назад. Видя, с каким почтением и любовью скиф относится к псу, Митридат вспоминал рассказ о царе Дарии, считавшем достаточной причиной для объявления войны Карфагену то, что карфагеняне ели собак. Эллина не ели собак, но они их презирали. Они называли синопейца Диогена собакой, потому что он бросил вызов их утонченному и лживому образу жизни.

Погрузив пальцы в густую шерсть собаки, Митридат обратился к ней с шутливой речью:

– Чем, Тавр, ты хуже их? У тебя тело покрыто шерстью. Ты не умеешь говорить. Но ты не кусаешь друзей и не знаешь, что такое ложь. Ты благороден по природе, Тавр. И мои предки ценили твою жизнь в тридцать раз дороже, чем жизнь человека.

Тавр крутил хвостом, стараясь прижаться кудлатой головой к бедру Митридата! Савмак улыбался.

– Он понимает тебя, хотя ты говоришь, а не лаешь. Так и люди, говорящие на разных языках, могут стать друзьями.

– Ты прав, Савмак, – соглашался Митридат. – Надо сохранить нашу дружбу. Настанет время, и я вернусь в Синопу, а ты в свой Неаполь. Я пошлю тебе письмо: «Савмаксай! Враги угрожают моей жизни. Помогите!» Явишься ли ты?

– О Митридат-сай! – воскликнул скиф. – Явлюсь, если и останусь просто Савмаком.

Он подошел к камням, наклонился и поднял обеими руками колючий шар. Сделав усилие, он разорвал его. И оказалось, что это две сцепившихся «сироты».

– Так и мы с тобою, – продолжал Савмак. – Ветер оторвал нас от родных корней, но мы нашли опору друг в друге. Если нас разделит судьба... – он бросил колючие растения, и они тихо покатались по примятому ковылю, – останется память!

Он вытащил меч и сделал острием глубокий надрез на левой руке. Капли крови выступили на загорелой коже. Савмак повернул руку, и они потекли в подставленный Митридатом ритон. Потом Митридат провел мечом по своей руке, и их кровь слилась как весенние потоки.

Пока Митридат доливал ритон вином, Савмак установил свой меч острием вверх, подвалив к нему камни.

– О Акинак-сай! – сказал он, обращаясь к мечу. – Ты со-

единил нашу кровь в этой чаше. Пусть враги Митридата будут врагами Савмака, а враги Савмака – врагами Митридата. Обнявшись, они пили из ритона напиток дружбы.

За городом

Памфил крался к гробнице. Ее очертания четко выделялись на фоне ночного неба, и в неверном лунном свете она напоминала какое-то фантастическое чудовище, поставленное охранять преисподнюю. Тяжело дыша, стирая в кровь локти и колени, боспорец стремился подползти к известному ему одному отверстию, проделанному в незапамятные времена охотниками за царским золотом. Ибо в этой гробнице, давно уже пустой и разграбленной, был когда-то похоронен царь, которого молва прозвала «Киммерийцем».

Лаз был в противоположной стороне от входа, которым воспользовались заговорщики. И Памфил надеялся, что ему удастся подобраться к гробнице и, оставаясь незамеченным, узнать обо всем, что замышляют недруги. За это херсонесит, которого Перисад назначил начальником стражи, обещает десять статеров. Голова кружилась при одной мысли о таком богатстве! Аристокор лопнет от зависти, когда узнает, что ему, Памфилу, удалось за одну лишь ночь получить столько, сколько они вдвоем не зарабатывали за год.

Памфил подтянул тело к расщелине и просунул голову внутрь. Еще до того, как его глаза привыкли к мраку, он услышал:

– Ну, птенчик!.. Теперь он свое отлетал! Надо только захлопнуть ловушку!

– Попробуй захлопни! – отозвался другой голос. – Как бы самим не попасться. Дворец охраняется. Всех обыскивают у входа.

– Нашел чего пугаться! – Это говорил человек с окладистой черной бородой. – При обыске могут найти кинжал, но не яд. А царскому повару пообещай золота.

– Ксур предан Перисаду как пес, – возразил кто-то. – К тому же Митридат пропадает целыми днями на охоте.

– Так бы ты сразу сказал! – воскликнул чернобородый.

Заговорщики стали говорить еще тише. Слов нельзя было вовсе разобрать. Но по тому, как уверенно разглагольствовал чернобородый, а его сообщники гоготали, было видно, что план устранения Митридата представлялся им весьма надежным.

Заговорщики, видимо из предосторожности, расходились по одному. Чернобородый вышел последним, Памфил обратил внимание на то, что он слегка прихрамывал.

Выйдя на дорогу, чернобородый повернул в сторону степи. Это удивило Памфила, рассчитывавшего, что чужеземец приведет его к одному из городских домов, который можно будет запомнить.

Спустившись в небольшую лощинку, образованную высохшим ручьем, чернобородый шел, пока не добрался до одинокого дерева. И только тогда Памфил заметил, что к дереву привязан конь. Через несколько мгновений послышался мерный цокот копыт, и всадник скрылся во мраке.

На лбу у боспорца выступил холодный пот. Золото, которое он считал уже своим, уплывало. Не станут платить за пару слов, какие ему удалось подслушать.

Митридат пробудился от утреннего холода. Попона, на которой лежал Савмак, была пуста и еще сохраняла впадину от тела. Конь скифа щипал траву, влажную от выступившей росы. Значит, Савмак где-нибудь неподалеку.

Вынув из колчана стрелы, Митридат начал насаживать на них наконечники взамен иступившихся и сломанных. За этим занятием и застал его Савмак.

Скиф был не один. Рядом с ним шел кто-то с мешком за спиной. Подойдя ближе, незнакомец опустил свою ношу на траву и провел дрожащей рукой по широкой черной бороде.

– Благодарение богам! Благодарение богам! – твердил он, кланяясь.

– Что случилось? – спросил Митридат у Савмака.

– Пошел я проверять силки. Вижу, за деревом стоит он и трясется как заяц. Еле добился: разбойники на него напали.

Пес завыл так, словно почуял зверя.

– Молчи, Тавр! – приказал Савмак. – Он и меня за разбойника принял, а потом, как понял, что бояться нечего, не отпускает.

– Вот такой нож! – вставил незнакомец, отмеряя ладонями расстояние в локоть. – К самому горлу: «Давай золото!»

А откуда оно у меня. Я бедный купец из Феодосии. Говорю ему: «Возьми колбасу и отпусти». А он все свое: «Давай золото!» Тогда я побежал...

– Ты говоришь, что у тебя колбаса? – поинтересовался Митридат.

Незнакомец хлопнул себя ладонью по лбу:

– Какой же я дурень!

Он расстегнул завязки мешка и вынул большой, аппетитно пахнущий круг.

– Вот! Добрым людям не жалко! Только бы мне на дорогу выйти!

– Что ж! Пойдем! – сказал Савмак, свистнув вилявшему хвостом псу.

Митридат потянулся к колбасе. Она немного горчила, но все же была необычайно вкусной. Может быть, потому, что надоели хлеб и сыр.

Мысленно пожелав торговцу доброго пути, Митридат прилег на траву.

Прошло не так уж много времени, как послышался шум шагов. Савмак несясь с такой скоростью, словно за ним гналась сотня разбойников. Митридат на всякий случай подвинул лук.

– Колбаса! – кричал скиф. – Колбаса!

– Вот твоя доля, Савмак! – Митридат протянул остаток круга.

– Ты съел! – воскликнул скиф с ужасом.

– Ну и что? Тебе же осталось и Тавру тоже.

Савмак выхватил колбасу и, швырнув ее на землю, стал топтать ее ногами.

– Змея! Гадина! – кричал Савмак. – Погиб мой друг! Его не поднять! С кем я пойду на охоту? Кто будет спать у моих ног?

– Что с тобою? – спросил Митридат. – Ты здоров?

– Я здоров. Но я ее не ел. И ты здоров, хотя съел. А вот Тавр сдох. Значит, она не вся отравленная.

– О чем ты, Савмак?

– О колбасе. Купец дал еще кусок, когда прощались. Проглотил немного, и я Тавру кусок бросил. Проглотил он – и сразу выть, по земле кататься. Потом затих. Вспомнил я, что у тебя колбаса. Вдруг съешь? А ты съел...

По щекам его стекали слезы. Митридат не стал объяснять сыну степей, кому он обязан своим спасением. «Яд отвращается ядом, – думал юноша. – А что может защитить его от ненависти, как не она сама. Таков закон отталкивания, которому следует природа! Он установлен самими богами. О, как я буду мстить за зло и предательство! Никто не уйдет от возмездия!»

Хитрость

Мешочек выпал из руки Алкима, и монеты со звоном рассыпались по столу.

– Как ты сказал? «Птенчик свое отлетал!» – перебил он боспорца.

Памфил отступил, напуганный этой неожиданной реакцией. Может быть, Аристокор прав, что не ввязывается в политику. Лучше жить впроголодь, чем ходить по острию меча.

– Это не я сказал, – пояснил он. – Это чернобородый! Разве я мог так подумать!

Алким сделал нетерпеливый жест.

– А он прихрамывал?

– Да! – обрадованно воскликнул Памфил. – Он тянул левую ногу. Но все равно я не смог его догнать. Он был на коне! Я отправился в степь искать Митридата в надежде предотвратить беду. Но боги спасли царя. Я застал его и скифа у могилки пса. Они оба стояли на коленях перед нею.

Алким сгреб ладонью горсть монет.

– Ты заслужил свое золото.

Глаза боспорца блеснули жадным блеском.

– Но если хочешь его получить, поклянись, что не будешь распускать язык. Ты не был в степи, не видел Митридата и Савмака, не знаешь, о чем совещались заговорщики в Киммерийце. Ты вернулся из Фанагории с письмом от моего бра-

та.

– Клянусь всеми богами! Меня послал Неоптолем!
Да, где же послание твоего высокочтимого брата?

Он стал с невозмутимым видом искать что-то за краем гиматия и наконец под видом письма протянул Алкиму пустую ладонь.

Алким с улыбкой пересыпал монеты во влажную ладонь боспорца.

Закрыв за лазутчиком дверь, он подошел к занавесу, отделявшему пространство за колоннами, и отдернул его. Диофант сидел, опершись щекою на кулак. На его губах блуждала загадочная улыбка.

– Ты попал на верный след, – молвил синопеец. – Если пойти по нему, он приведет тебя к тем, кто не погнушался услугами папы Харона. Допустим, им удалось осуществить свой коварный замысел...

– Что ты говоришь! – воскликнул Алким.

– Ты меня не понял. Занавес, за которым ты меня посадил, создал иллюзию театра. Я представил себя автором древней трагедии. Я разработал ее сюжет до конца. Зрители станут актерами. Но они не должны догадываться о благоприятном исходе. Тем значительнее будет эффект! Правду должен знать лишь один Моаферн. Он будет в этом представлении хорегом. Итак, действие первое. Оно начинается в гавани Пантикапея. Ты передаешь Гриллу приказ выйти в море. Как только из виду скрываются берега, ты сообща-

ешь кормчему и команде, что скончался Митридат, отравленный врагами. Вы поднимаете черные паруса и плывете в Синопу...

* * *

Южная гавань густо заполнена толпой. Никто не заставлял всех этих людей стоять на солнцепеке. Никто даже не объявил им, когда прибудет тело царя. Но каждому хотелось проститься с Митридатом.

В толпе можно было увидеть не только синопейцев, но и жителей соседней Армены. Амасийцы прислали послов с жертвенными дарами, поручив оставить их на могиле. Трапезундцы принесли искусно отлитую золотую доску с портретом юного царя в профиль и надписью: «Хайре, Митридатос!» Многие привели с собою детей, и они залезли на постаменты статуй. Те, кому не хватало места в гавани, устроились на палубах кораблей, увешанных черными полотнищами.

В ожидании корабля с телом кто-то рассказывал о силе и ловкости Митридата, покорившего дикого скакуна. Женщины, склонив посыпанные пеплом головы, плакали. Даже мужчины не могли удержаться от слез. Ушел царь, подававший великие надежды. Если бы не зависть богов, он стал бы славой Понта и грозой Рима. Выученики философов, длинноволосые и неопрятные юноши, воспользовались случаем, чтобы заклеить суеверие толпы. Считалось, что зажегша-

яся в день рождения Митридата кровавая комета предвещает его семидесятилетнее царствование, наполненное войнами, власть над четвертой частью ойкумены. А царь умер семнадцати лет, не обладая даже отцовским царством.

Все разговоры и толки были прерваны появлением триеры. Знатоки сразу же узнали флагманское судно боспорского флота «Парфенос». Удивительно было, что на мачтах белые паруса. Кто-то уже поносил этих боспорцев, не отдавших почестей останкам царя. Но ни у кого не вызывало сомнения, что именно на этом корабле находится тело Митридата.

Удивление боспорцев, еще издали видевших корабли с черными полотнами и огромную толпу, заполнившую гавань, было еще большим.

– Что случилось? – спрашивали они, сойдя на берег.

– Это вам лучше знать, – отвечали синопейцы. – Где тело Митридата Евпатора?

– Он провожал нас и просил передать вам привет.

Синопейцы оторопели. Кто же распространил известие о смерти Митридата? Вспомнили, что оно пришло из Лаодикеи, что о смерти царя объявил от имени убитой горем царицы Ариарат.

– В Лаодикею! – раздались крики. – В Лаодикею!

Толпы хлынули к воротам. На молу остались одни боспорцы. Они до сих пор ничего не могли понять. Им казалось странным поведение граждан этого города, ожидавших их как богов и даже не пожелавших рассказать толком, что слу-

чилося.

Ариарат лежал лицом к земле, жалкий, измученный. Сточная канава, по которой он выполз из города, давно уже кончилась. Прошла ночь. Гелиос осветил каменистую равнину, спускавшуюся к озеру. А он все еще переживал ужас тех мгновений. Толпа ревела как тысяча разъяренных быков: «Митридат жив! Смерть Ариарату!»

Все началось с того дня, когда в Синопу прибыл римский посол. Ненависть к Риму росла, как снежный ком, несущийся с горы. Она ослепила синопцев, и они забыли, что Ариарат жрец Кибелы, что богиня жестоко карает тех, кто поднимает руку на ее служителя. Они не могут простить, что Синопа перестала быть столицей, что Лаодика не строит новых кораблей. А что дали корабли Эвергету? Где его великие подвиги? Посылка пяти триер под стены Карфагена? Неужели этим эллинам мало того, что приносит торговля с иберами и скифами? Им нужны проливы. Они хотят соперничать с Родосом и Александрией. О, они еще не знают, что такое римское войско, когда ему отдают на разграбление город!

Ариарат поднялся и, шатаясь, побрел к морю. Рыбаки, расправлявшие на берегу сети, сочли его безумным. Он и впрямь обезумел от страха и злобы. Останавливаясь, он грозил кому-то кулаками. Из его уст вылетали проклятия, перемежавшиеся с именем – Аквиллий.

Восковая кукла

Маний Аквиллий ходил по таблину шаркающей походкой. Эти пять лет сделали его стариком. Как и прежде, перед ним трепетали цари. Римские сенаторы считались с его мнением. Его по-прежнему называли устроителем Азии. Но сам он все тягостнее ощущал свое бессилие и одиночество. Сын в Риме забыл о нем. Он не может простить выговора за посольство в Синопу. Или просто занят своими виллами и карьерой. Дочь Аквиллия еле находит время для семьи. Она поглощена восточным суеверием, она поклоняется Кибеле и Аттису. Он, Маний Аквиллий, победивший азиатов, не смог защитить свою дочь от азиатских богов. Слуга Эвмел почти оглох. Беседа с ним не приносит ничего, кроме раздражения.

Маний Аквиллий наклонился над восковой фигурой. Она была выдвинута к столу и, видимо, в последнее время занимала его более, чем другие. Он положил обе руки на плечи фигуры. Ноздри его раздулись. В глазах появился хищный блеск.

— Ты пахнешь ядом, мальчик, — сказал он вслух по привычке, выработанной долгим одиночеством. — Я приказал вылепить тебя из понтийского воска. В землях соанов пчелы берут взятку из ядовитых цветов. Этот воск так же ядовит, как твои помыслы, Митридат. Ты думаешь, я не знаю, зачем ты ушел в скифские степи? Ты окружил себя невидимками,

но мне известны их имена. Это они, зловещие близнецы, распространили слух о твоей смерти. Они сбросили Ариарата. Сделан первый шаг. Ты уже мечтаешь о втором. Тебе не дают покоя лавры Ганнибала. А знаешь ли ты, чем кончил великий пуниец?

Манию Аквилию вдруг показалось, будто за его спиной, где находились вифинские цари, что-то зашевелилось. Римлянин не верил в призраков и лишь по привычке в день на Лемурии бросал через спину черные бобы и ударял в бронзовый сосуд. Но это и не был призрак. Отодвигая фигуру Никомеда Охотника, вышел незнакомый юноша, черноволосый, с горящими глазами. Он протянул руку, видимо намереваясь что-то сказать.

Страх обуял старика. Он раскрыл рот, чтобы позвать на помощь, и, задохнувшись, упал.

Когда на шум сбежалась стража, Маний Аквиллий уже лежал неподвижный и страшный, как восковая кукла. Оказавшийся в таблине юноша был схвачен. При нем не было оружия.

Над пропастью

Моаферн шел по набережной Синопы. У статуи Автолика он остановился, пораженный неожиданным сходством фигуры, изваянной Сфенисом, с тем, кого он все эти годы держал в своей памяти. В Митридате была такая же скрытая сила, тот же порыв.

Моаферн смотрел на Старую гавань. Так назывался угол Южной бухты, где догнивали боевые корабли. По нескольким, не стершимся до конца буквам он узнал свою «Стрелу». Какое это печальное зрелище – мертвая триера! Когда-то бывшая гордостью мореходов, предмет их радости и надежд, она предоставлена теперь дождям и ветру. Ее борт потрескался и почернел. Палуба осела. Вместо мачт и рей торчат обломки.

После мятежа синоиейцев и исчезновения Ариарата Моаферн мог отправиться в Лаодикею или встретиться с царицей в Комане, на празднике Владычицы. Но он избрал Старую гавань. Здесь они встретились впервые. Тогда оба были молоды! Им хотелось сесть на первый попавшийся корабль и уйти в море, чтобы остаться вдвоем навсегда. И последняя их встреча тоже была здесь. Лаодика знала, что к полудню триеры поднимают якоря. Она не заботилась, что ее могут увидеть.

«Что с тобой, любимая?» – спросил Моаферн, протяги-

вая к ней руки. «Мне снился дурной сон. Молния ударила в мое чрево». – «О! Это вещий сон! У тебя родится великий сын». – «Мне нужен только ты!» – сказала она, тяжело припав к плечу Моаферна.

Потом они шли рядом. Помнит ли она теперь эту тропинку к пустырю? Ветер играл лепестками выюнка и листьями полыни. Запах полыни преследовал Моаферна все эти годы. Это был запах ее груди, ее губ, их короткой и горькой любви.

Лаодика вышла со стороны театра, откуда он ее не ждал. Лицо ее было сурово. Скорбная морщина перерезала лоб.

Они долго молчали, глядя друг другу в глаза. Казалось, они оба хотели вернуть прошлое или хотя бы отыскать его следы.

– Я верил, что ты придешь, – сказал Моаферн глухо. – Верил, хотя мне говорили, что это невозможно. Ты не вспоминала обо мне все эти годы плена. Когда я вернулся, твои страхи ловили меня по дорогам. Неужели приказ Рима сильнее нашей любви? И только судьба Митридата тебя еще может волновать!

– Что с ним? Он жив? Могу ли я верить?

– Только что из Пантикапея прибыл Диофант. Твой сын жив, но ему угрожали люди Ариарата.

– Я никогда не хотела его смерти! – заломив руки, молвила Лаодика. – Но этот ужасный человек имел надо мной власть. Он со мной не считался. К счастью, Митридату удалось бежать. Я все время знала, где он, и боялась, что это

станет известно и Ариарату.

– А смерть Эвергета? – спросил Моаферн, глядя Лаодике в глаза.

– Эвергета убил Рим, – тихо сказала Лаодика. – Я этому не могла помешать. Маний Аквиллий угрожал, что убьет тебя. Ты был в его власти. Он уверял, что Эвергет предал тебя, и показывал письма, написанные его рукой.

– И ты этому поверила? Царям приходится скрывать правду.

– Я не могла не поверить, потому что знала о его ненависти к тебе. Почему он послал в Пергам тебя? Разве у него не было других военачальников? И письма были написаны его рукой. Так я попала в капкан. После того как пролилась кровь Эвергета, оказалось, что жертва напрасна. Маний Аквиллий обманул меня. И тогда пришел Ариарат. Это была пытка. Ведь он узнал, что Митридат твой сын...

Моаферн пошатнулся. Ужас искажил его лицо.

– Мой сын! Но почему я не знал об этом все эти годы!

– Ты для него не сделал бы больше. А он об этом не должен был знать.

Пламя и тени

Весть о возвращении Митридата опередила это событие ровно на столько времени, сколько понадобилось, чтобы разжечь костер на вершине Париадра. Его пламя увидели люди Диофанта в Амисе и тотчас же зажгли свои костры на холмах. Оттуда их свет распространился по всей Понтийской земле до горы Скороба на границе с Вифинией.

Ликовали эллины Трапезунда, радовались жители Фемискиры, потомки халибов, словно предугадывали, что Митридат вернет их рудникам и плавильням былую славу. Совершили возлияние богам амасийцы, вечно страдавшие от набегов воинственных галатов. Но более всех торжествовали синопейцы, ибо Митридат родился в их городе и в него возвращался как законный царь.

Храм Ормузда заполнили персы. Не кто иной, как Моаферн, спас юного царя от козней римлян, которых молва произвела в порождение бога Мрака Аримана.

С персами соперничали эллины. В храме Автолика звучала повторяемая тысячами уст молитва покровителю города и царя. На улице шерстобитов всю ночь не утихала работа. Кому-то пришло в голову все ковры соединить в один гигантский ковер и разложить его от гавани до ворот дворца под ноги Митридату.

Единственным пятном мрака в этом сиянии и ликовании

был царский дворец. После восстания синопейцев и бегства Ариарата Лаодику покинули придворные. Разбежались слуги в страхе перед новым господином. Дочь Лаодика осыпала мать проклятиями. Она кричала, что помнит и любит Митридата и знает, что он явится и отомстит за отца. «Лучше бы я умерла в ту ночь, когда дала ей жизнь, – думала Лаодика, – когда, не веря, что выживу, Эвергет дал мое имя новорожденной».

Лаодика ходила из зала в зал, где вышли из углов потревоженные тени. Близ фонтана перистилия лежал, как тогда, Эвергет, и в свете луны лицо его было мертвенно-бледным... По мозаике шагал римский посол, и звуки его шагов, его лающей речи отдавались в ушах тревожным звоном... А здесь прозвучал радостный смех Митридата. Годовалым ребенком он, неуверенно вытянув руки, сделал по этим плитам свой первый шаг. Лаодика упала на камни.

Она очнулась от шума шагов. Нет, это не привидения, не призраки. Они идут, высоко подняв факелы. Тени пляшут по их лицам, выхватывая то щеки, вздувшиеся желваками, то суровые, ненавидящие глаза. И один из них, без факела, с дротиком в руке, ее мальчик. Он заносит назад руку. Но на пути к ее сердцу, уже готовому умереть, встал Моаферн.

– Что ты делаешь? Это мать! – крикнул он, загоразивая Лаодику.

Моаферн лежал на спине, широко раскинув руки.

Он умер, как воин.

Часть вторая

Урок учителю

Царская башня

Весь день дул ледяной ветер. В его свистящем и прерывистом дыхании ощущалась лютая ярость гор, отторгнутых от веселых зеленых долин и янтарного моря. С жалобным скрипом чуть не до земли гнулись корабельные сосны. По дорогам и в голом поле кружились, словно совершая диковинный танец, столбы пыли. И одна лишь царская башня, нависшая над обрывом, сохраняла свою мрачную неподвижность.

На ее каменной памяти – ураганы и землетрясения, мятежи и войны. Ей одной цари доверяли свои тайны. Она слышала признания и предсмертные стоны не склонившихся перед властью. И на ее потемневших от времени стенах сохранились их процарапанные чем-то острым забытые всеми имена.

Молва окружила башню таинственным ореолом. Рассказывали о проклятии, постигавшем каждого, кто прикасался к ее камням. Люди обходили ее стороной.

Что же заставляет этого человека испытывать судьбу? Ве-

тер срывает с него войлочный колпак. Он закрывает голову руками, словно это может защитить от холода.

Внезапно вверх засветилась одна из бойниц. Оттуда со свистом вылетел канат. Человек наклоняется, и через мгновение он уже ползет, перебирая ногами, как паук на невидимой паутине.

Укрепленные в нишах светильники освещают низко нависшие своды. Капля падает человеку на голову, и он вздрагивает, как от удара. Прижимаясь спиной к стене, он идет, извиваясь, пока не упирается в какую-то дверь. За нею слышатся звуки, напоминающие хлопанье крыльев. Прислушавшись, человек понимает, что кто-то ударяет ладонью по камню или, может быть, по собственному телу.

От толчка отлетает дверь, и взору вошедшего открывается келья, темная и узкая, как могильный склеп. В его противоположном конце мерцает огонек. Разгорающееся пламя озаряет лицо в спутанных седых космах. Неужели это та, которая когда-то имела власть над людьми? С нею он связывал свои надежды. Для нее он построил столицу вдали от моря и его соблазнов.

– Ариарат! – слышится вздох. – Ариарат, полетим вместе. Фигура покачивается. Слышится мерное хлопанье. Это удары подошв по каменному полу. Пустота преобразует звуки, так же как изменяет людей. Хлоп! Хлоп!

Дрожащим голосом человек произносит фразу, затверженные и уже ненужные слова:

– Дай мне свою руку! Ты свободна!

Лаодика протягивает высохшую ладонь. На ней блестит сосудик. В таких хранят аравийскую мирру. Может быть, она хочет, чтобы ее наполнили благовониями?

Звон разбиваемого стекла доносит до сознания Ариарата страшную догадку: он опоздал.

– Яд дал мне крылья! – шепчет Лаодика. – Смотри, как высоко я поднялась. Внизу блестит Понт. И корабль как игрушка в его могучих руках. А вокруг резвятся дельфины. Вот они поднимаются из волн и снова исчезают...

Лаодика Вторая

Митридат катался по полу, как раненый барс. Его большое и сильное тело содрогалось от рыданий, прерывавшихся протяжными стонами.

Предсмертное письмо матери раскрыло всю глубину трагедии. Она написана не афинянином Софоклом, а Судьбой. Это случилось не с царем Эдипом, а с ним, Митридатом. Он мстил за отца и оказался сам отцеубийцей. Ибо отцом его был Моаферн. Одна роковая ошибка породила другую. Он, Митридат, убил мать, нет, не дротиком и не ядом (яд ей дал сердобольный тюремщик), а несправедливым подозрением.

– Митридат! – услышал он. – Митридат!

Подобно волшебной флейте Орфея, умирившей разбушевавшиеся волны, этот голос успокаивал его мятущуюся душу. Откинувшись навзничь, сквозь пелену в воспаленных глазах Митридат увидел Лаодику. Она пришла к нему, понимая, как он одинок, как страдает.

«Сестра! Нет, дочь Эвергета! Как она похожа на того, кого я ошибочно считал отцом! Она по праву должна носить диадему, занимать трон. Лаодика Вторая! Я же – сын мятежника, заговорщика, узника римских тюрем. Мне бы скакать по степи бок о бок с Савмаком или стоять на корме камары рядом с Гриллем. Нет, вести фаланги Лаодики против рим-

ских легионов!»

Митридат схватил девичьи пальцы. Они были белы, как лепестки лилии. В них было благоухание юности и ее чистота.

– Ты меня любишь, Лаодика? – спросил он, вкладывая в слова всю нежность, на какую был способен.

Сестра соединила в себе тех, у кого он уже не мог просить прощения и прижать к груди. Она одна связывала его с матерью, давшей жизнь им обоим.

– Да! – отвечала девочка. – Я всегда скучала по тебе. Когда ты исчез, я плакала. Я говорила матери: «Верни мне брата!»

– Не называй меня так! – перебил Митридат. – Мы не обменивались кровью!

Лаодика взглянула брату в глаза. Они были цвета утреннего моря. Таким ей предстал Понт в тот первый день, когда она вернулась в Синопу. Казалось, волны приветствовали ее возвращение, и они так же властно притягивали к себе, как его глаза.

– Вот видишь этот шрам! – Митридат протянул руку. – Отсюда текла кровь, которая смешалась с кровью моего побратима Савмака.

– Он скиф?

– Скиф, – ответил Митридат, отводя взгляд в сторону. – И в тот день, когда мы обменивались кровью, он поведал мне прекрасную сказку. С тех пор я не могу ее забыть. Это о том, как на степь, опаленную гневом богов, пролился всепроща-

ющий ливень слез. Горе сожгло и опустошило мою душу, но ты, как та божественная птичка, пропела прощение и надежду.

Он привлек Лаодику к себе, и она потонула в нем, как песчинка в бурлящем горном потоке.

Нашествие

С холмов, где стояли посты херсонеситов, казалось, что в движение пришла вся степь. Оставляя позади себя клубы пыли, мчались всадники в кожаных штанах и меховых треухах. Доносился удушливый запах горящего зерна. Пала житница Херсонеса – Керкинитида. Потянулись беглецы из Прекрасной гавани и других поселений Западной Таврики. На почерневших лицах застыл ужас побоища, в котором не было пощады ни женщинам, ни детям.

Страшна была ярость воинов Палака. Нашла выход их ненависть к пришельцам, прилепившимся к побережью, как ракушки к днищу корабля. Раньше, когда склоты владели Великой степью от Истра до Танаиса, они могли мириться с этими купчишками или не обращать на них внимания, как на надоедливых ос. Но теперь, когда Великая степь принадлежит савроматам и роксоланам, соседство эллинов стало опасным. От них исходил дух своеволия. Потеряла авторитет древняя мудрость, приговаривавшая к смерти за подражание чужим обычаям. Некоторым уже жали под мышками дедовские кафтаны, и они сменили их на просторные эллинские хитоны. Еще немного, и склоты начнут называть своих детей эллинскими именами и клясться не бородой Палая, а Зевсом или Гераклом.

Ревнители старины полагались на царевича Палака, вос-

питанного в дальнем станове на кумысе и не знавшего даже вкуса оливкового масла и вина. Он еще при жизни отца напал на купцов, приносивших в скифские селения заморские товары, бил расписную посуду, сжигал эллинские ткани и свитки. Став царем, Палак замыслил уничтожить все эллинское, сжечь эллинские города и сбросить эллинов в море.

В эти дни Херсонес напоминал осажденный лагерь. Каменщики укрепляли стены, не видевшие врагов почти двести лет. По специальному решению булевтерия в угловую круглую башню были уложены плиты с ближайшего к городу некрополя: мертвые должны служить родному полису так же, как живые! Пусть скифские тараны разобьются о камни могил! С улицы кузнецов доносились удары молотов. Гражданам понадобятся стрелы и мечи. Рабы несли на плечах бревна для катапульт. Со стадиона доносились голоса команды. Там обучались военному строю отпущенные на свободу таврские рабы. Нашлась работа и горшечникам в мастерской при храме Девы. Удивительнее всего, что именно ею больше всего интересовался первый стратег Дамосикл. Словно амфоры, вывозимые из города на крутых повозках, могли пригодиться в эти жаркие дни.

Откуда ждать помощи? Из Пантикапея, платящего скифам дань? Или из маленькой Гераклеи – метрополии Херсонеса? Митридат Евпатор! Имя этого царя звучало все громче и настойчивее: в спорах граждан на агоре, в дебатах, разгоравшихся на заседаниях булевтерия.

У понтийского царя были ревностные сторонники и не менее решительные противники. Среди первых выделялся Алким, вернувшийся в Херсонес из Пантикапея. Из его рассказов вставал образ прекрасного и благородного юноши, которому удалось с помощью богов преодолеть вражеские козни и возвратить себе отцовский трон. С особым пафосом Алким описывал месяцы, проведенные вместе с царем в горах Париадра. Если ему верить, выходило, что тогда он был едва ли не воспитателем царя, платившего ему за заботы не золотом, а бескорыстной дружбой. О своей роли при дворе Перисада хитрец не распространялся, понимая, что она выставила бы его в невыгодном свете. К тому же он знал о неприязни своих сограждан к Перисаду, которого считали если не варваром, то их покровителем и тайным союзником.

Среди противников Митридата было немало купцов, торговавших с римлянами. Они распространяли слух, будто Митридат рожден царицей от какого-то преступника и что, желая скрыть свое происхождение, он заточил свою мать в тюрьму и там отравил ее. Разумеется, от такого человека нечего ожидать помощи, и лучше передать город под покровительство могущественного Рима.

В пылу спора сторонники и противники Митридата обвиняли друг друга в предательстве.

Но внезапно споры и взаимные обвинения прекратились, словно их и не было. С башен Херсонеса стало видно зарево, охватившее противоположный берег бухты. Палак и его

всадники находились всего лишь в двадцати стадиях от городских стен! Булевтерий единодушно принял решение просить Митридата о помощи.

День рождения

Алким, прибывший с посланием булевтерия в Синопу, не сразу понял, что происходит. Дома у гавани были украшены царскими знаками в гирляндах зелени. Но сама гавань была пуста. Никто не помог укрепить сходни и замотать корабельный канат. Единственный синопеец, встретившийся Алкиму на пути к агоре, оказался продавцом детских игрушек. Не слушая обращенных к нему вопросов, он тарасил ословевшие глаза и гремел над своей головой трещоткой.

На агору сошла вся Синопа. Люди сидели кучками на расстеленных на земле коврах и что-то выкрикивали. Другие окружили помост с установленным на треножнике огромным медным котлом. Великан виночерпий разливал вино в подставляемые фиалы и ритоны. Мальчишки, судя по одежде – царские пажи, несли на жердях целиком зажаренных баранов. Их тотчас же раздирала на части и съедала захмелевшая толпа.

– Скажи мне наконец, что это за праздник? – обратился Алким к одному из мальчиков.

– День рождения нашего царя Митридата, – отвечал паж. – Царь угощает вином из своих подвалов и припасами из своих кладовых. Видишь, он на помосте!

Алким с трудом узнал в атлете с черпаком в руке самого Митридата. За прошедшие два года он возмужал и окреп.

И все же это был Митридат, с которым он когда-то жил в хижине пастуха.

В персидском кандии поверх эллинского хитона Митридат стоял у котла и решительно размахивал своим орудием. В нем – полуэллине и полуперсе – бурлила энергия его предков, и казалось, он хотел перемешать подданных своего разноплеменного государства в таком же котле.

– Эй, подходи! – кричал он зычным голосом глашатая. – Пейте, синопейцы! Знаете ли вы, что Синопа по-фригийски «пьяница»?

Еще издали увидев приближавшегося Алкима, царь стал приплясывать.

– Расступитесь! – кричал он. – Это идет спутник моего детства. Дайте ему фиал! Мы выпьем по-скифски!

– Государь! – сказал Алким, подойдя к помосту. – Я приношу тебе поздравления. Но мой город сейчас не может разделить радость синопейцев. Палак подошел к его стенам. И если мы не сможем отразить натиск, то погибнем от голода. У нас нет припасов, а наша житница Керкинитида захвачена скифами.

– Где мой летописец Диофант? – крикнул царь после долгой паузы. – Пусть он явится сюда!

Прошло немало времени, пока привели Диофанта. Увидев встревоженного Алкима, историк понял, что стряслась какая-то беда. Но он не догадывался, почему его оторвали от свитков.

– Это по твоей части! – сказал царь, пошатываясь. – Грузи корабли провиантом, бери гоплитов и отправляйся немедленно туда.

Он показал черпаком в сторону моря.

– Херсонес осажден скифами, – пояснил он ошеломленному Диофанту. – Войну я поручаю тебе...

– А не лучше ли тебе пройти во дворец? – сказал Диофант тоном наставника-успокоителя. – Утром на трезвую голову ты примешь надлежащее решение.

– Нет, на пьяную! – закричал Митридат настойчиво. – Ты забыл, что пишет Геродот о моих предках: персидские цари ни одного серьезного решения не принимали в трезвом виде!

– Но ты подумай, Митридат! Я ведь не стратег, а летописец. До сих пор я расставлял войска лишь на листе папируса. Одно дело – писать о войне, а другое – воевать, руководить ею.

Лицо Митридата, казавшееся дряблым и расслабленным, застыло в каменной неподвижности.

– Я думаю, – сказал царь жестко, – тебе известно содержание договора моего деда Фарнака с херсонеситами. И хотя он не был возобновлен моим отцом, обещание остается в силе.

Митридат спрыгнул с помоста и взял Диофанта за плечо. Несколько мгновений они шли молча. Эллин то и дело бросал на царя взгляд. В нем сквозило удивление. Кажется, он ожидал, что Митридат раскроет ему свои истинные наме-

рения и объявит все сказанное прежде шуткой.

– Итак! – сказал Митридат, не поворачивая головы. – Ты разобьешь скифов. Но этого мало. Ты должен сделать их моими друзьями!

– Как тебя понять? – воскликнул Диофант.

– Понимай, как сказано! Победи и сделай их друзьями! Так, чтобы у котла на агоре среди тех, кто пьет за мое здоровье, были и скифы! Это смелые и мужественные воины. И один из них – мой побратим.

– Война со скифами – не лучший путь к твоей цели, – вставил Диофант.

– Но я не могу терять и дружбу эллинов! – возразил Митридат. – Без их помощи мне не справиться с Римом.

– Итак, необходимо посадить в одну лодку эллинов и скифов, чтобы они ее не перевернули, – подытожил Диофант.

– Совершенно верно! – обрадованно воскликнул Митридат. – Ты понял мой план.

– Но сумею ли я его осуществить? – молвил Диофант. – Тебе удобнее управлять кораблем с такой командой.

– Ты хочешь сказать, что в моих жилах смешалась кровь эллинов и варваров?

– Да! – сказал Диофант.

– Но ведь помощи просят эллины. Во мне они всегда будут видеть варвара, посягающего на их демократию.

Диофант поднял вверх ладони:

– Не знаю, как скифам, но мне приятно быть побежден-

НЫМ.

Херсонес

Третьи сутки дождь висел над Херсонесом. Тысячи водяных нитей сплетались в полупрозрачную и невесомую завесу, окутывающую красные кирпичные кровли, грозные башни крепостной стены. Капли как добрые вести стучались в стены и двери домов. Мутные потоки стекали по плитам агоры и камням мостовых, заполняя канавы и цистерны. Вода бурлила и плескала с такой небывалой щедростью, о какой не помнили старики. Даже в свитках местного летописца Сириска, запечатлевшего чудеса покровительницы города Девы, не упоминалось о таком дожде. Не иначе его наслал Зевс Тучегонитель, чтобы очистить город от скверны – желтой пыли скифских степей. Она проникала во все трещины и щели, складки и поры. Она задушила виноградники, сожгла загородные сады.

И теперь пришел ей конец. Ливень с озорством и лихостью смывал въедливую скифскую пыль и вместе с нею позор прошлых лет. Словно и не было унижительных подарков скифским царям, их высокомерных посланий, грубых угроз и жалких извинений. Ливень очищал город, обволакивал его пеленой, прятал от жадных и завистливых взглядов.

Когда дождь иссяк и солнце высушило влагу, казалось, что Херсонес родился для новой жизни. Каждый камень предстал в своей первозданной чистоте, в паутине покрывав-

ших его трещин, в неровностях, в шероховатостях, в выбоинах от ударов первых каменотесов.

И как в первый день жизни города, запел колокол, возвещая неслыханную радость. В море, очищенном от тумана, показались паруса.

– Корабли Митридата! Корабли Митридата! – гремела медь, и ей вторили ликующие голоса.

В эти минуты город был подобен наклоненному светильнику. Опустели западные и южные кварталы. Вымерла агора. Все живое перелилось в гавань, черневшую сотнями голов, сверкавшую белизной одежд. Люди бросались друг другу в объятия, плакали, не скрывая слез, пели.

Разрезая волны, в гавань вошел «Фарнак» с уже подобранными парусами. Над ними гордо развевалось полотнище со звездой и полумесяцем – эмблемами понтийских царей. Имя корабля напоминало херсонеситам о понтийском царе, заключившем с ними союз.

С борта полетели канаты. Метко накинутые на осмоленные столбы, они притянули триеру к молу. Бесшумно опустились сходни. Херсонеситы подхватили их и укрепили своими телами. Первым спускался человек в блестящем чешуйчатом панцире и обшитой бахромой накидке. На голове его был коринфский шлем, украшенный голубым пером.

– Диофант! Диофант! – ревела толпа, уже знавшая, что Митридат поставил во главе своих кораблей и воинов не перса, не каппадокийца, не армянина, а эллина. В горо-

де, окруженном варварами, это воспринималось как проявление особой симпатии молодого царя к Херсонесу.

Диофанта встретил первый стратег херсонеситов Дамосикл. Диофант вглядывался в лицо этого еще крепкого человека, на котором запечатлелись следы недавних невзгод.

Рукопожатие стратегов вызвало новый взрыв восторга. Синопеец и херсонесит, подданный царя и свободный гражданин, они были эллинами, детьми рассеянного по всему миру народа. И Понт соединил их. Ибо Понт – это путь, связывающий тех, кого разъединила судьба.

С высоты угловой башни, куда Дамосикл повел гостя, открывался прекрасный вид на окрестности Херсонеса. Диофант долго не мог оторвать взгляда от виноградников и садов, разделенных бухтами и заливами. Море глубоко вдавалось в сушу, и бухты казались голубыми лепестками какого-то удивительного цветка. Неужели его растопчут скифские кожаные сапоги? Диофант поймал взгляд Дамосикла. В нем была надежда и тревога. Он вспомнил напутствие Митридата: «Победить и завоевать дружбу!»

«Но сначала победить!» – подумал он.

– Диофант! Диофант! – послышался знакомый голос.

Стратег приподнялся на локте. В комнату ворвался Алким. Вчера он попросил его быть провожатым. И вот Алким пришел вместе с Гелиосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.